

Николай Побережник

ЭРТА

личное правосудие

Законы этого мира так же несправедливы,
как незаконна и сама справедливость

Николай Побережник
Эрта. Личное правосудие
Серия «Эрта», книга 4

Аннотация

Отчаявшись в поисках и едва не лишившись рассудка, Кинт находит в себе силы идти к новой цели. Он многому научился и превзошел своих учителей. Аристократ, промышленник, отставной офицер и множество имен. Приходит время сорвать маски и сделать то, что не могли сделать имперские сыщики за многие годы. Холодный расчет, отвага на грани безумия и новая надежда, ради которой он готов на все.

Николай Побережник

Эрта. Личное правосудие

Книга четвертая

Глава первая

Два всадника не спеша ехали по тропе, чуть заметной в Сырой роще. На первый взгляд они будто военные или жандармы, если судить по бушлатам и оружию, притороченному к седлам. Но если приглядеться, то это только фасон одежды военного покроя, впрочем, у одного из всадников, того что моложе и выше ростом, выправка все же военная, да и в седле сидит увереннее...

В Степной провинции уже вступила в свои права весна, и даже в вечерних сумерках пахнет первыми полевыми цветами, дует теплый южный ветер, а все проселочные дороги уже давно просохли.

– Все же надо было ехать на однокорейниках и по торговому тракту, – тот, что старше привстал в стремянах и посмотрел вперед.

– Устал? – спросил молодой.

– Да, стар я уже для таких долгих поездок верхом.

– Скажешь тоже, стар... А на однокорейниках согласен, было бы гораздо быстрее, но шумно и заметно, а так, этой старой тропой приедем в город не привлекая внимания.

– Откуда ты про нее знаешь?

– Шутишь? Забыл, кем я был перед Северной войной?

– А, ну да, – кивнул тот, что старше и снова привстал в стременах.

– Да что ты подпрыгиваешь? Скоро приедем уже.

– Там есть кто-то... впереди.

Всадники, одновременно придержали коней, натянув поводья.

– Уверен? – уточнил молодой.

– Шутишь? – парировал старший, – забыл кто я?

– Стрелок, – хмыкнув, ответил молодой.

Захрустев, с треском на тропу упало дерево, а одновременно с этим, выскочив из темноты рощи, всадников окружила дюжина вооруженных людей...

– А ну, слезай! Все, приехали! – прокричал кто-то.

Донеслись щелчки затворов и курков.

– Я же говорил, – Стрелок вздохнул, – ты не узнаешь этот город.

– Шуметь не хочется, город близко совсем, за рекой... – молодой тоже вздохнул.

– Тогда придется делать тихо...

– Угу...

– Дачто вы там треплетесь! – с револьвером в руке к

всадникам подошел отвратительной внешности тип, с рыжей копной волос на голове, переходящих в тощие бакенбарды и такие же тощие усы, – не хотите жить?

– Да хотелось бы, – отпустил поводья и поднял руки молодой.

– Тогда слезайте!

Подчинившись лесным налетчикам, всадники спешили.

– Похоже, вояки отставные, или жандармы, – прокомментировал кто-то.

– Не люблю жандармов, – хмыкнул отвратительный тип и, чуть повысив голос, сказал: – Айзэ, ну-ка, зажги фонарь, проверим, что нам сегодня досталось, а потом решим, отпускать их или нет.

– Пора... – тихо сказал Стрелок.

Стрелок и его попутчик сорвались с места, превратившись в две смертоносные тени. Блеснули и заметались клинки в свете полной луны, тени перемещались меж вооруженных людей, которые тщетно целились из своего уже бесполезного оружия и прощались со своими бесполезными жизнями. Над Сырой рощей пронесли и затихли несколько наполненных ужасом и болью вскриков, не прошло и минуты, как все было кончено...

– Ты не прав, Стрелок, – молодой присел у неприятного типа с рассеченным горлом, вытер об его засаленный старый камзол сначала длинный штык от походной винтовки старого образца и вернул его на привычное место – за голенище

сапога. Потом обтер обоюдоострый широкий клинок ножа и убрал его в ножны на поясе за спиной, – этого рыжего я узнал, он часто у рынка ошивался, выискивая простаков и зазевавшихся торгашей. Так что не думаю, что Латинг сильно изменился.

– Ты ведь говорил, что это спокойная тропа, – Стрелок наклонился, поднял ногу другого несостоявшегося налетчика и обтер об его штанину свой нож.

– А разве не спокойно? – молодой забрался в седло, – посмотри на небо! Какая луна, какие звезды! Тишина! О, река там, слышишь? Поехали, пока совсем не стемнело, нам еще ферму эту искать...

Спустя час, проехав окраинами столицы Степной провинции, всадники спустились в долину, по которой были разбросаны с десятков ферм.

– И какая? – Стрелок поскреб двухнедельную щетину.

– Судя по всему вон та, – молодой указал на ферму, покосившимся забором прильнувшую к дороге, – видишь, дым идет не из трубы хозяйского дома, а пристройки?

– Вижу, поехали, хочется есть, выпить и спать.

Действительно, это была единственная ферма, где тускло горел свет и поднимался дым из печной трубы в небольшой пристройке к конюшне, да и выглядела ферма заброшенной, но ворота, к которым подъехали всадники, были закрыты. Молодой спешился, поднял небольшой камешек и бросил его в окошко пристройки. Дернулась штора за окном, затем

дверь пристройки отворилась и с масляным фонарем в руке появилась женщина.

– Что вам нужно? – негромко крикнула она.

– Мы привезли волчьих шкур на продажу! – крикнул в ответ Стрелок.

Женщина засуетилась и быстрым шагом пошла к воротам, которые спустя мгновения, скрипнув, отворились, и всадники въехали во двор.

– Я сейчас разбужу Тенью, он сведет лошадей в конюшню...

– Не нужно, – Стрелок ловко спрыгнул на землю, – вы все сделали, что от вас требовалось?

– Да, – часто закивала женщина, было заметно, что она не столько волнуется, сколько боится ночных гостей.

– Хорошо, – Стрелок повернулся к лошади, извлек из седельной сумки увесистый кошель, который приятно звякнул, – вот, возьмите и вместе с сыном уходите на рассвете, а к вечеру следующего дня вас не должно быть в городе, расположитесь на новом месте – сообщите Рузье телеграммой, вам понятно?

– Обязательно ждать рассвета? – женщина протянула руку к кошельку.

– Вы хотите уйти сейчас?

– Да, еще успею на ночной экспресс на юг!

– Что ж, идите, – пожал плечами Стрелок, – тогда мы в домике прислуги и заночуем. Собирайтесь, а мы пока сами

займемся лошадьми.

Подобрав подол, женщина поспешила в домик.

– Тень! Тень, вставай сынок, нам надо идти!

Спустя полчаса Стрелок довольно развалился на небольшом топчане и, лежа, ногами стянув с себя сапоги, один за другим, облегченно вздохнул и сказал:

– Нет, все-таки я стар для конных переходов.

– Ты же есть хотел...

– Все-таки больше хочу спать, чем есть!

– А я, пожалуй, хлебну чаю, да покурю на улице, – сказал молодой, снял с тлеющего очага большой медный чайник, наполнил кружку, потом, обстучав себя по карманам, отыскал трубку, вышел за дверь и присел на ступеньки покосившегося крыльца.

– Да! Ты себе что, так и не станешь брать другое имя? – уже засыпая, спросил Стрелок.

– А зачем?

– Ну...

– Да мало ли Кинтов в терратосе!

Стрелок ничего не ответил, он уже заснул, а Кинт, глядя в ночное небо над городом, в котором не был уже четыре года, тяжело вздохнул, думая о том, как много ему теперь нужно сделать и как долго он этого ждал...

«Или не четыре? – подумал Кинт и, затянувшись ароматным и дорогим табаком, стал загибать пальцы, мысленно считая. – Два года на юге в Шоуте, потом, в той унылой де-

ревне на востоке я провел год в компании Стрелка и еще полгода в предместьях восточной столицы, и полгода в Мьенте... да, получается четыре».

Кинт проснулся под утро из-за того, что замерз лежа на узкой лавке у окна. Надев сапоги, он раздул угли, настрогал ножом щепы от полена и развел огонь в открытом очаге. Стрелок лишь приоткрыл глаза, проворчал что-то сквозь сон и укрылся с головой грязным стеганым одеялом. Стрелок... отношения с ним у Кинта сложились не то чтобы приятельские, в Ордене это не поощряется, скорее наоборот, но Кинт доверял Стрелку и еще одно – никто в Ордене не знает подробностей их знакомства во время Северной войны. Иначе, Рузье бы не позволил Стрелку быть наставником и в дальнейшем напарником Кинта. В той деревушке на восточном побережье терратоса, Стрелок Кинта многому научил, тому, чему не научат ни в каких жандармских академиях, где Кинту никогда не бывать из-за происхождения, и уж тем более такому не учат ни в одном жандармском или армейском корпусе. Орден... это тайное общество наемников, распустившее свои щупальца по всему терратосу Аканов и даже за его пределы. По окончании Северной войны и после волны прокатившихся по терратосу бунтов у Ордена возникли затруднения с наемниками, было потеряно многое – связи, купленные люди в городских советах и конторах телеграфа. Тайная жандармерия наступала на пятки и пришлось затаиться, затаиться и готовить новых наемников, подкупать но-

вых чиновников и внедрять в городах своих людей. К примеру, в прежние времена, та милая женщина со своим сыном не получила бы никакого золота за месяц присмотра за брошенной фермой, их бы тихо придушили и закопали на заднем дворе. Теперь же людей, которые умеют держать язык за зубами и отличаются безоговорочной исполнительностью, даже поощряют, но это ненадолго, как только Орден обретет прежнюю силу, все вернется на круги своя. Стрелку и Кинту быть напарниками тоже оставалось всего пару дней. Стрелок выполнит задание, о котором известно только ему и Рузье, и уедет, и возможно, они с Кинтом больше никогда не увидятся. Кинту же предстояла самостоятельная работа в Латинге, где он задержится на некоторое время... Но Кинт очень сомневался, что Рузье оставит его без присмотра.

– Посети ратушу, присмотрись к людям... – советовал Стрелок, когда они с Кинтом завтракали, сварив несколько яиц и разделив на двоих кусок лепешки.

– Сначала надо приобрести соответствующей одежды, я же вроде как сын богатого рудокопа...

– Да! – опомнился Стрелок, встал и принес к столу седельную сумку, которую с трудом поднял с пола у дверей, – вот это Рузье велел отдать тебе по прибытию.

Стрелок вытащил из сумки деревянную шкатулку и открыл ее.

– Ого! Это все мне?

– Вот это тебе, – Стрелок достал из шкатулки два боль-

ших бумажных свертка, — здесь десять тысяч золотых кестов, не разбрасывайся ими, Рузье потребует отчета за каждый медяк!

— Это понятно.

— Что еще... — Стрелок задумался и посмотрел на Кинта, будто что-то вспоминал, — да, не вздумай искать прошлую жизнь. Ты, конечно, доказал свою преданность Ордену, и не раз, но Рузье тебе не доверяет, ты выброшенный на улицу пес монарха... а псы преданы своим хозяевам до самой смерти.

Кинт ничего не ответил, лишь допил чай, достал трубку и закурил.

— Найми экономку, конюха и пару тупых громил, нужно привести в порядок ферму, сам сними приличную комнату, а лучше отдельные апартаменты в центре Латинга, желательно поближе к ратуше и заплати на полгода вперед.

— Ты решил мне пересказать все, о чем было письмо Рузье? Так я его читал и не один раз.

— Просто напоминаю...

— Не стоит.

— Снимешь комнату, сразу отправь телеграмму Рузье.

— Хорошо.

— Ладно, мне еще на телеграф и на полуденный экспресс надо успеть, пойду седлать.

Закрыв за Стрелком ворота, Кинт пошел к хозяйскому дому, добротному каменному особняку с заколоченными досками ставнями. Пройдя по периметру, бывший жандарм ото-

рвал доски и открыл ставни, затем через задний двор вошел в дом. Кругом пыль, пахнет сыростью, редкая мебель накрыта тряпьем, у камина на полу странное пятно на толстых досках пола, а над камином в стене три характерных выбоины. На второй этаж он подниматься не стал, и так завтрак затянулся, а нужно еще много успеть за сегодняшний день. Оседлав и навьючив коня, взял в руки поводья и, вдохнув полной грудью весенний и что немаловажно чистый воздух, вышел за ворота и пошел по укатанной дороге в сторону города.

– Эй, любезный! – крикнул кто-то сзади, когда Кинт уже ступил на узкую мощеную улицу пригорода Латинга.

Он оглянулся и увидел, как со стороны ветхого каменного дома с провалившейся крышей ехали двое – городские жандармы.

– Да, вы, остановитесь!

Кинт взял коня под уздцы и, подчинившись, остановился. Жандармы подъехали ближе, один из них, остановился, натянув поводья, а второй подъехал так близко, что Кинт увидел свое отражение в темно-коричневом глазу гнедой кобылки.

– Что-то случилось? – Кинт чуть прикоснулся к полям фетрового котелка, вроде как поздоровался.

– Просто мне стал интересен человек, который для этого района города одет весьма богато, но идет пешком...

– В этом есть что-то противозаконное?

– Нет, просто странно, кто вы уважаемый, и откуда?

– Я инженер горного треста с севера терратоса, приехал в Латинг для открытия нашего представительства, но вот незадача, управляющий, что занимался подготовкой моего отъезда сюда, приобрел ферму, – Кинт показал рукой в долину, – но там такой бардак и запустение, что я решил все же снять комнату в центре. Я понимаю, что выгляжу подозрительно, все же две недели провел в дороге.

– А-а, – протянул понимающе городской, – позвольте все же взглянуть на ваш жетон гражданина.

– Извольте, – Кинт расстегнул верхние пуговицы камзола и потянул за золотую цепочку.

Опустив с кожаного шлема с коротким козырьком монокуляр и, чуть поправив фокусировку линз, городской считал жетон и одобрительно кивнул.

– Мы едем в управление жандармерии, можете поехать за нами, эти окраины, – городской повел рукой, – пользуются дурной славой.

– Благодарю, – Кинт перекинул поводья на шею коню и проворно прыгнул в седло.

– Вы в первый раз в степной столице? – поинтересовался городской, когда все трое уже выехали на широкую мостовую ремесленного квартала.

– Бывал тут, давно, когда Латинг был просто богатым городом торговцев.

– О, – городской гордо поднял указательный палец вверх, – вы будете удивлены тому, как тут все изменилось, да

и город разросся – в западной и северной его частях строится много новых домов, полноводную Зиду закрыли плотиной и построили энергетические цеха.

– Прогресс не остановить, – кивнул Кинт и словно в подтверждение его слов, часто и громко подавая сигналы, мимо них пронесся моторный фургон, испугав лошадей и обдав копотью горожан на тротуаре.

Жандармерия находилась неподалеку от центральной площади и, поблагодарив своих провожатых, Кинт расстался с ними и поехал к ратуше, держась края мостовой и успокаивая коня, поглаживая его по шее. Латинг окончательно проснулся, кругом гомон, тарахтение и грохот моторных экипажей, конных повозок тоже хватало. Кинт обратил внимание, пересекая перекресток, что на одной из улиц монтируют фермы путей, что ж, раз строятся энергетические цеха, то появится электрическая сила, движущая небольшие вагончики, точно такие же, как в Актуре. Свернув на широкую улицу, ведущую к рыночной площади, Кинт доехал до табачной лавки, где кроме табака приобрел и пару газет, затем отыскал знакомую вывеску «Дов и сыновья» на фронтоне трехэтажного каменного дома с двором-колодцем и с аркой в фасаде.

– Вы хотите у нас остановиться? – из караульной будки, что стояла внутри двора у арки, вышел долговязый парень в одежде, напоминающей жандармскую, но без каких-либо отличительных знаков, разве что на кожаном шлеме был на-

шит ярко-красный ромб с числом «10», на поясе закрытая кобура из рыжей кожи.

– Да, остановлюсь на неделю, возможно на две, – Кинт соскочил с коня.

– Я сейчас позову прислугу из гостиницы, – долговязый привратник подошел к своей будке и пару раз дернул за один из трех шнуров, на конце которых были тяжелые медные кольца.

Оплатив комнату для себя и место в конюшне для коня, Кинт в сопровождении двух носильщиков поднялся на третий этаж. Сунув в протянутые ладошки каждому мальчишке по серебряному кесту, он закрыл за ними дверь, затем сразу же поднял одну из дорожных сумок и вытряхнул ее содержимое на широкую кровать.

– Ну что, Кинт Акан, – тихо сказал он вслух, – пора начинать игру, которую ты задумал, и помогут тебе Небеса.

Глава вторая

К полудню, Кинт, уже трижды обойдя кварталы, примыкающие к главной площади Латинга, наконец присел под парусиновый козырек одного из множества маленьких ресторанчиков, хозяева которых выставляли по несколько столиков под навесы. Сейчас Кинт выглядел весьма представительно – лакированные туфли, дорогой драповый костюм в крупную клетку, котелок и небольшой саквояж рыжей кожи.

Еще Кинт был гладко выбрит, и от него пахло чем-то при-
торно сладким. Официант, что обслуживал несколько столи-
ков на улице, словно легавая застыл у двери и ожидал, когда
важного вида посетитель допьет свой какао...

— Что-то еще, господин? — официант наконец переместил-
ся к столику и чиркнул спичкой, когда Кинт допил какао и
достал из внутреннего кармана изящную трубку с длинным
мундштуком.

— Благодарю, — Кинт кивнул и, выпустив ароматный дым
дорогого табака, спросил: — вас не затруднит принести све-
жую газету?

На блюде были небрежно брошены несколько серебря-
ных кестов.

— Конечно! Сию минуту! — официант схватил блюдо и
чашку, и практически забежал в дверь ресторанчика, едва не
сбив с ног своего коллегу с подносом в руках.

Через несколько минут, пытая трубкой, Кинт уже изучал
объявления о сдаче в наем квартир, выбрав несколько ва-
риантов, до которых от площади рукой подать. Он мельком
просмотрел основные заголовки и, улыбнувшись одному из
них, встал и уверенным шагом направился к зданию рату-
ши, затем свернул на широкую мостовую и сразу зашел в
арку одного из домов, примыкавших фасадом к площади.
Там, практически не торгуясь, за десять золотых кестов в
месяц, он снял шикарные отдельные апартаменты на втором
этаже — две комнаты. Одна, весьма просторна и с окнами на

площадь, вторая, к которой примыкала ванная комната, была окнами во внутренний двор, и где по заверениям хозяйки, весьма тихо и прохладно, даже в самый жаркий летний день. Хозяйкой доходного дома оказалась пожилая вдова, пышных форм, но в то же время изящных манер женщина, она с охотой рассказала Кинту о том, что он снял самые лучшие апартаменты в Латинге, что вполне походило на правду, так как жилье было действительно шикарным.

Поймав моторный экипаж, Кинт отправился на телеграф – нужно дать телеграмму Рузье, точнее не ему, а некому руководителю горного треста о том, что начаты работы по открытию представительства.

– С вас десть кестов, – приветливая девушка посчитала слова на бланке, что Кинт подал в окошко с надписью «Эфирный телеграф».

– Скажите, а почтовые отправления...

– Только на железнодорожной станции, – девушка не дала договорить Кинту, – на станции воздухоплавания строят еще одну почтовую контору, город растет, думаю, к зиме откроется.

– Спасибо.

Все же приятно пройтись по городу, наслаждаясь весенним теплом после двух недель, проведенных в седле и ночевках в степи. Кинт медленно шел по тротуару, разглядывая вывески на широкой улице, где находилось множество контор мануфактур, цехов, лабораторий и трестов. У боль-

шинства из них уже нет коновязей, вместо этого – площадки, отсыпанные мелким камнем, на которых застыли сверкающие лаком дерева и блеском металла моторные экипажи. Кинт думал, что он научился справляться с эмоциями, но чем дольше он дышал воздухом города, с которым его многое связывает, тем больше он волновался в ожидании предстоящих встреч... Обычно, до Северной войны, Орден не отправлял своих людей туда, где они могли «наследить» своей прошлой жизнью, но обстоятельства заставили Рузье пренебречь этим правилом.

Кинт остановился у окон одной из контор, рядом с которой не было экипажей, а на двери висела деревянная табличка *«Это помещение сдается городским советом»*. Подобных пустующих помещений было всего два, одно в центре, второе в конце улицы. Крутанувшись на пятках, Кинт быстро зашагал в направлении ратуши...

Исполнительно и согласно инструкциям Рузье Кинт до обеда выполнил несколько важных дел, а именно – арендовал в городском совете помещение конторы в конце улицы, а также взял разрешение в секретариате гильдии промышленников на аренду склада в старом пакгаузе железнодорожной станции. Еще, в казначействе ратуши зарегистрировал ячейку *«конторы Северного горного треста в Латинге»*, и сразу вложил пять тысяч золотых кестов. Саквояж стал намного легче, на его дне теперь покоятся важные бумаги из ратуши, украшенные гербами, тиснением и прочей канцелярской вы-

чурностью, но так необходимой подобным документам. Что ж, теперь на железнодорожную станцию, получить ключи от ворот склада, а также получить груз, который уже давно заждался в товарном тупике, после чего можно и пообедать... да, не забыть еще заглянуть в почтовую контору.

Моторный экипаж привез Кинта на привокзальную площадь, когда часы на фронтоне здания вокзала пробили полдень. Много изменилось здесь – пути теперь находятся с двух сторон перрона, здание вокзала обросло пристройками, появился широкий мост из железных ферм через перрон, а вот люди такие же... разве что их стало больше.

– Тесновато, – вслух сказал Кинт, выпрыгнул на мостовую, прихватив с сиденья саквояж, и сунул машинисту моторного экипажа несколько монет.

Тот в ответ только кивнул и, сняв экипаж с тормоза, с металлическим хрустом передвинув длинный рычаг, покатиł вдоль путей, пугая зевак громким сигналом.

Без труда Кинт нашел почту, да и чего ее искать? Ноги словно сами принесли туда, и пока он шел, с каждым шагом в памяти всплывали строки письма, которое он писал. Кинт писал это письмо каждый день, писал в своих мыслях все то время, которое находился в Ордене. Раньше в письме было много слов, он их все помнил наизусть...

– Прошу прощения, – Кинт протиснулся к окну в небольшом помещении конторы почты, у которого стояла деревянная кафедра с канцелярскими принадлежностями, и снова

подумал вслух: – Тесновато...

– Этот город уже не тот, что раньше, он уже не вмещает в себя всех, – проворчал угрюмый старик, но пропустил Кинта к окну.

– Пожалуй, да, – согласился Кинт и, встав за кафедру, вынул из держателя лист, взял авторучку, проверив что колба заправлена чернилами, и написал на листе всего одну строчку, затем сложил лист вчетверо, вложил его в самый маленький из пяти типов конвертов и написал адрес: «*Актур, Ткацкий квартал, для мадам Поль Таг*». После чего Кинт расплавил сургучный карандаш над срезом колбы светильника и, запечатав конверт, встал в очередь к одному из почтовых клерков.

– Пропустите! Пропустите увечного во славу терратоса! – громогласно провозгласил кто-то от дверей.

Очередь Кинта почти подошла, впереди была милая старушенция, которая уже расплачивалась с почтовым клерком. Кинт мельком посмотрел назад. От дверей, скрипя протезом правой ноги и громыхая им об пол, к окошку, опираясь на массивную трость, шел с первого взгляда так портовый грузчик, да и несло от него соответственно – тухлой рыбой и перегаром, вот только в Латинге нет порта... Зато под многократно штопаным бушлатом был пояс с револьвером.

– Пропусти увечного, говорю! – хромой неслабо толкнул какого-то торговца в конце очереди.

Люди загомонили, но стали пропускать наглого калеку.

– Эй, – калека бесцеремонно шлепнул Кинта по ноге тростью, – пропусти-ка!

Кинт не стал протягивать в окошко свое письмо и чуть отступил.

– То-то... Ик! Скажи-ка, Дейк, чернильная твоя башка, – калека просунул голову в окошко, отчего почтовый клерк замахал рукой у себя перед лицом, разгоняя «аромат» от посетителя, – Не пришел ли на мое имя ответ из комиссии парламента по обороне?

– Нет, – ответил клерк и сделал такое лицо, будто это его вина.

– Разорви их там всех! Я на следующей неделе приду! – калека с трудом высунул голову из окошка и повернулся к Кинту, – что смотришь? Отсиделись тут! А я...

Тут бравый и пьяный вид сошел с лица калеки, он как-то осунулся, опустил голову и похромал к выходу.

– Каждую неделю приходит... уже год ответа ждет на свое письмо, – словно извиняясь сказал Кинту почтовый клерк, – жаль его... Давайте ваше письмо. Куда?

– В Актур.

– Секундочку... – Дейк переставил на счетной машине пару рычажков и прокрутил ручку, – с вас четыре кеста.

Кинт провел еще час в компании управляющего товарной станцией, получил ключи от просторного склада в пакгаузе, куда с помощью пары тягловых лошадей был перемещен большой деревянный ящик, что прибыл в Латинг с востока

еще две недели назад. Затем, решив, что было бы неплохо и подкрепиться, Кинт прошел в харчевню в здании станции. Публика пестрая, тут и те, кто в ожидании своего рейса тоже решил пообедать, и местные носильщики, и пара городских зашли перекусить, и босоногие мальчишки из пригорода... В самом углу зала с мрачным видом, топил в стакане шанта свою тоску недавний калека с почты.

– Не помешаю? – Кинт присел за небольшой круглый столик.

Калека оглянулся и осмотрел зал.

– Свободных мест достаточно, – буркнул он в ответ.

– Где воевал? – спросил Кинт, пропустив реплику мимо ушей и позвал жестом проходящего мимо парня из кухонной прислуги.

Калека поднял на Кинта взгляд, пустой, полный отчаяния и тоски взгляд.

– Какое дело торгашу до того?

– Я не торгаш, я инженер горного треста...

Суетливый парнишка со всклоченной рыжей шевелюрой возник перед столиком.

– Что желает господин?

– Бутыль шанта, мяса... да, и моему другу порцию наваристого бульона.

– Сей момент! – уже спеша на кухню ответил парнишка.

– За еду спасибо, конечно, неделю горячего не ел, но чего ты от меня хочешь... друг?

– Так где ногу-то потерял? – Кинт снова проигнорировал вопрос.

– В последней битве за Майнг, скреверы северян пытались сбить атаку нашего кавалерийского корпуса, их картечницы как гребнем прошли по нашим порядкам... я сначала обрадовался, что не убило меня, а только ранило, но видишь, как вышло? – калека хмыкнул, допил остатки шанта из своего стакана и постучал костяшкой пальца по металлу протеза, – колено перебило, пришлось ногу отнимать.

– Так ты кавалерист?

– Мастер-гренадер кавалерийского корпуса.

Вернулся рыжий парень с подносом в руках и, выставив все на стол, замер в ожидании.

– Сколько? – пододвинув миску с бульоном собеседнику спросил Кинт.

– Двенадцать кестов...

Кинт рассчитался, а калека накинудся на горячий бульон, работая ложкой с такой скоростью, будто боялся, что миску вот-вот отберут, а Кинт налил себе и соседу шанта, наколот вилкой кусок мяса и сказал:

– Не торопись.

– Так чего тебе от меня надо? – с шумом втягивая с ложки горячий бульон, снова спросил калека.

– Работу хочу предложить.

– Кем? Если пристрелить кого, то это не ко мне, это вон в ремесленный квартал прогуляйся...

– Мне нужны люди, чтобы присмотреть за фермой.

– Полноценно работать я не смогу.

– А конюхом? И помощники будут.

– Конюхом? – калека задумался, – смогу, пожалуй... а не боишься незнакомцу довериться?

– А ты не боишься сдохнуть в подворотне так и не дождавшись обещанных денег от комиссии парламента по обороне? Семья-то есть?

– Где-то на юге, жена и сын. Они уже сами по себе, я решил не быть для них обузой... да и жена нашла себе мужика из фермеров... мне сын писал, – калека доел бульон, и многозначительно посмотрел на свой пустой стакан.

– Так что? – Кинт выжидающе и внимательно смотрел на собеседника.

Высокий лоб, грязные редкие волосы собраны на затылке шнурком, широкие скулы. Мужчине скорее всего не более сорока, но беспробудная пьянка добавила еще десяток лет. В плечах широк, руки сильные, ладони, словно лопата у кочегара...

– Согласен.

Кинт кивнул, молча доел мясо, пододвинул бутылъ шанта ближе к калекe и выложил на стол небольшой кошель.

– Ты нанят, как тебя звать?

– Риф Гиро.

– За рекой, на южной окраине Латинга, вдоль дороги тянутся фермы, от каменного моста третьи ворота, не оши-

бешься, они давно не крашены, да и ферма в запустении. Там пристройка к конюшне, в ней располагайся. Купи себе съестного чего впрок и отправляйся... да, Гиро, это твоя последняя бутылка шанта, договорились? – Кинт выложил на стол длинный ключ и толкнул его по столешнице к Гиро.

– Договорились. А теб... эм... вас, господин, как звать? – Гиро выпрямил спину и взял ключ.

– Кинт. И вот еще что, я надеюсь, он заряжен? – Кинт указал на кобуру Гиро.

– Каморы давно пусты... один патрон в кармане, застрелиться духу не хватило, так и ношу теперь как память.

– Тогда зайди в оружейный и купи патронов, пока ты там один, будешь еще и охранником. В этом кошельке считай твое месячное жалование, и на счет выпивки я не шушу. Пусть терратос забыл про тебя, но ты еще не стар, мастер-гренадер Гиро, держись за жизнь, какой бы она ни была.

Кинт встал, подхватил саквояж и добавил:

– Завтра утром я приеду.

Посидев немного на лавке под навесом перрона и выкурив трубку, наблюдая за суетой перед отправлением столичного экспресса, Кинт медленно пошел вдоль станции, по отсыпанной мелким гравием дороге, ведущей к кабачку у депо. Немного постоял, издалека наблюдая за заведением, которое раньше частенько посещал, затем перевел взгляд левее и дальше, на ворота и грибок караульного у них... Ворота открылись, из них выехал моторный экипаж и притормозил,

человек за рулем что-то спрашивал у караульного. Узнав водителя, Кинт отвернулся, достал из нагрудного кармана очки с круглыми черными стеклами и, напялив их на нос, решительно пошел прочь в сторону парка.

— ... да, господин Тьетэ, — караульный перекрикивал шипение и грохот силовой установки моторного экипажа, — конный разъезд выехал за час до отправления столичного экспресса!

Тьетэ удовлетворенно кивнул и обратил внимание на человека, который перескочил через пути и быстрым шагом двигался к старым кварталам района депо.

— Быть не может... — Тьетэ помотал головой и еще раз внимательно посмотрел в след удаляющемуся человеку.

— Что господин?

— Скажи, любезный, вон тот человек, — Тьетэ показал рукой в сторону незнакомца, — тебе никого не напоминает?

— Напоминает, господин Тьетэ... напоминает заблудившегося аристократа, о котором возможно мы завтра прочитаем в утренней газете, в разделе происшествий, — хмыкнул караульный, — что он там забыл, в старых кварталах?

Тем временем незнакомец уже дошел до парка и скрылся за разросшимся кустарником, что совсем недавно взорвался весенней сочной зеленью.

— Но он так уверенно топает, возможно, знает куда идет, — предположил караульный.

— Возможно, — ответил Тьетэ, глубоко задумавшись и на-

хмурившись, затем передвинул рычаг тормоза, экипаж тронулся и покатил в сторону станции.

Давно Кинт не испытывал волнения. Год, проведенный в отдаленной деревушке на востоке в компании Стрелка, вытравил многое – волнение, переживание, страх отвалились как ненужное, как шелуха... место этих эмоций заняли цинизм, холодный расчет и даже некая отстраненность от жизни, будто она протекает где-то в стороне, без его участия. И только поставленная перед самим собой цель на обозримое будущее не давала Кинту превратиться в одного из них...

Кинт сбавил шаг уже на тротуаре, что тянулся вдоль парка, пропустив конную повозку перешел дорогу и направился к арке одного из домов впереди. Вокруг немногочленно, еще до Северной войны этот район не особо располагал к праздным прогулкам, а сейчас и подавно, даже городских не видать, но люди живут и здесь. Вот овощная лавка в цоколе старого барака, через проулок виднеется незнакомая Кинту вывеска – «Таверна мадам Ригер».

– Это что-то новенькое! – вслух сказал Кинт и даже остановился, чтобы убедиться, правильно ли он прочитал. Все верно: и веселая музыка доносится, и пьяное пение невпопад, и пахнет соответственно из сточной канавы, что выворачивает из проулка и упирается в мостовую. Кинт увидел себя в отражении грязного окна и, решив, что своим видом он попросту провоцирует местных оборванцев, двое из которых, стоя в ближайшей подворотне, уже активно что-то обсужда-

ли, кивая в его сторону, шагнул к дороге в ожидании повозки. По мостовой, волоча за собой тачку на больших колесах, прошли двое подростков, потом проехал одинокий всадник, с виду так отставной вояка, а потом все как вымерло. Кинт снял очки и дыхнув на стекла, протер их носовым платком, приподняв над головой и поймав в отражение подворотню – там уже четверо. «Плохо» – подумал Кинт, нет он не переживал за то, что возможно получит пару шишек или ссадин, тем более было плевать на новый костюм, Кинту было жаль этих парней... ну вот, идут...

– Дядь, ты это... заблудился? – самый молодой из четверых, который на вид не старше шестнадцати, шел впереди всех, шаг пружинистый, вид бесшабашный...

– Что простите? – Кинт повернулся, сложил душки очков и убрал в карман.

– Ага, – хохотнул молодой, – прибери стекляшки-то.

Обступили с четырех сторон, самый старший из них, возрастом чуть моложе самого Кинта, шагнул ближе, сунув руку под грязную и залатанную жилетку, открыл было рот:

– Саквояжник-то, дав...

За мгновения Кинт оказался около него, удар в колено, сразу же удар в нос... на мостовую, звякнув, выпал нож, а несостоявшийся налетчик в забытьи уже рухнул, сильно приложившись затылком о камни. Пистолет в руке Кинта появился словно из воздуха. Грохнул выстрел, все замерли.

– Забирайте его и забейтесь туда, откуда вылезли!

Из-за поворота улицы донеслось цоканье копыт, с пистолетом в руке Кинт вышел на дорогу, навстречу конной повозке.

– Пр-р-р-р! – возница натянул вожжи, откинул полу парусинового плаща и, достав старый пехотный револьвер, закричал, глядя поверх головы Кинта: – а ну, отребье, убирайтесь! Полезайте, господин, поживее. Что же вы здесь, а?

– Благодарю, – сказал Кинт, усевшись в повозку и наблюдая, как трое волокут четвертого в сторону таверны, – к ратуше отвезите.

– Пошла, н-но! – хлестнув вожжами, прикрикнул возница.

Лошадь резво потянула одноосную, с большими колесами повозку, а Кинт откинувшись на сиденье сказал:

– До войны, вот так среди бела дня здесь подобное не случилось.

– Скажете тоже, господин, до войны и терратос был единым целым, а сейчас... эх... – возница еще наподдал вожжами, – видно, давно вы здесь не были.

– Да... хотел вот мадам Ригер проведать.

– А чего ей сделается, старой ведьме! Таверну уже второй год как открыла, кормит, поит за гроши, вот и ошивается тут отребье всякое. Вы, господин, в следующий раз возьмите повозку и сразу езжайте к дому, где у нее прачечная, знаете, где?

– Да, конечно.

– Вот, прикажите вознице чтобы во двор въезжал да подождет... это вам повезло, что я мимо ехал, не любит наш брат-извозчик сюда заезжать, хотя... – возница обернулся и посмотрел на Кинта, – возможно, сегодня повезло не вам, а тому отребью. Но вы не думайте, это только в районе депо, да в старом ремесленном квартале всякий лихой народ, так-то в городе спокойно, ну еще бывает на окраинах пошаливают, а здесь просто участок городских спалили еще когда война была, а новый участок городской совет открывать не спешит. За станцией вон господин Тьетэ присматривает, а тут люди сами себе закон, сами себе порядок...

– То есть ни порядка, ни закона?

– Не совсем... к примеру, если бы вы тех четверых пристрелили, то возможно, в следующий раз вас никто и не тронул бы...

– Или пулю из подворотни в спину пустят.

– Ну и такое может быть, – возница снова повернулся, когда повозка, пропетляв переулками и узкими улочками, выехала на широкую улицу, ведущую к главной площади, – где вас посадить?

– У гостиницы господина Дова, хотя нет... «Жандармский погребок» еще работает?

– Конечно! После Северной войны там не протолкнуться, особенно по выходным – спиваются герои терратоса!

– Туда отвезите.

– Как будет угодно господину, готовьте пять кестов сереб-

ром.

Постояв с минуту у входа, Кинт спустился в погребок. Как будто и не было этих четырех лет, внутри царит такой же полумрак, табачный дым, перемешиваясь с копотью масляных ламп, стелется под потолком, пахнет жареным мясом, пивом и потом. Посетителей действительно хватает, почти все столы заняты отставниками разных корпусов, кто-то, судя по внешнему виду, и не уходил отсюда со вчерашнего дня. Внимание на Кинта если кто и обратил, то скорее не на него самого, а на внешний вид, но прилично и дорого одет может быть и отставник. Одним словом, всем было плевать на появление Кинта, его здесь никто не знал или не узнал, если таковые были. Впрочем, был человек, который наполнил две кружки пивом и, выставив их на стойку, кивнул Кинту на высокий стул рядом.

– Добрый вечер, Дарг, – Кинт сел, опустил саквояж на пол, снял и повесил на спинку стула котелок.

– А вот я забыл, как тебя звать, – хозяин заведения улыбнулся и пододвинул к Кинту кружку.

– Это и не важно.

– Да, пожалуй, ты прав, кому мы тут нужны со своими именами, историями и прошлым... – согласился Дарг, поднял кружку и добавил, – за встречу.

– За встречу, – Кинт сделал большой глоток, отметив про себя, что пиво очень хорошее. – Ты мне как-то уже помогал

советом и людьми...

– Тебе опять нужны хорошие стрелки?

– Да, нужны пара надежных ребят, хочу предложить им работу.

Дарг нахмурился.

– Все совершенно законно, мне нужно охранять ферму за городом, ну и желательно чтобы руки-ноги, и главное голова были на месте.

– Сейчас тут таких нет, тут все уже давно себе мозги пропили... Приходи дня через три.

– Это вряд ли, я часто в разъездах.

– Тогда куда мне их отправить?

– От площади идет улица, там много контор и представительств разных трестов.

– И в какую из них их отправить?

– Представительство «Северного горного треста», в самом конце улицы.

– О! – уважительно кивнул Дарг, – ты у них тоже занимаешься безопасностью?

– Что-то вроде того.

– Хорошо, один из них заходит раз в два-три дня, он охранителем пристроился к одному владельцу ссудной конторы, что здесь неподалеку... как появится, я ему сообщу. Да, сразу назови сумму жалования, иначе смысл парней сдергивать с тех мест, где они уже есть?

– Три кеста золотом в неделю.

– Щедро.

– Не мало, учитывая, что жильем они будут обеспечены, – Кинт допил пиво и выложил на столешницу пару монет, – скажи, а где я могу подыскать себе экономку? Нужно заниматься бумагами и прочими делами.

– Это не проблема, проблема в том, чтобы она была чиста на руку и не дурна собой, – Дарг подмигнул Кинту, взял его пустую кружку и хотел было налить еще пива.

– Нет, спасибо...

– Как знаешь, – хозяин погребка почесал волосатую грудь, задумался на время, а потом сказал: – есть один клуб, да, в таком виде ты там вполне за своего сойдешь, так вот, там вечерами собираются всякие бездельники от аристократического сословья. Еще это заведение посещают всевозможные клерки и служащие при ратуше, сходи туда, поговори... а давать объявление в местную газету не советую – устанешь отбиваться от проходимцев.

– И как называется это заведение?

– «Цветы Латинга».

– Это они себя имеют в виду? – чуть улыбнулся Кинт.

– Похоже, – Дарг хохотнул.

– Благодарю, – Кинт надел котелок и поднял с пола саквояж.

– Удачи, и заходи, поболтаем.

В ответ Кинт только кивнул, коснулся пальцами полей котелка и вышел.

Глава третья

Этим весенним утром, город Актур проснулся раньше обычного, даже не дождавшись протяжных гудков цехов и мануфактур. Шутка ли, сегодня в порт прибывает броненосец, на борту которого все монаршее семейство. Что стало поводом к этому? Пятилетняя годовщина Северной войны, как ее называли те, кто в ней не учувствовал. Но, в любом случае, и дата была круглой, и посещение континента бывшим монархом тоже событие. К слову, очень много жителей бывшей столицы терратоса сейчас тешили себя надеждой, что появление наследника Таргала Объединителя хоть как-то повлияет на их никчемную жизнь.

Вспенивая парой гребных колес темные воды, броненосец медленно пересек бухту и пришвартовался. На пристани ликовал народ, приветствуя монаршее семейство, играл оркестр столичной пожарной команды, охранный полк выстроился в две шеренги, образуя коридор к нескольким моторным фургонам, украшенным праздничными лентами и цветами. С броненосца опустили трап, оркестр еще громче заиграл торжественный марш, на трап ступил высокий мужчина в парадном, фиолетовом камзоле и приветственно приподнял атласный котелок... толпа взревела, заглушая оркестр, а вдали, в чердачном окне одной из рыбацких лачуг, что-то блеснуло. Монарх заметил этот блик, и, в тот же момент, тя-

желая пуля ударила его в грудь, тело качнулось и полетело с трапа вниз...

– Убийцы! – закричала красивая женщина в алом, пышном платье, повиснув на леерах и не в силах стоять на ногах, потрясенная увиденным, опустилась на палубу.

Несколько мужчин и матросов бросились в воду с пристани и с борта броненосца, сбившись, замолчал оркестр, и наступила тишина...

– Стреляли со стороны рыбацкого квартала, – прокричал кто-то, и звено городских, стегая лошадей сорвалось с места.

Началась паника и давка, полк охранения стал оттеснять людей от пристаней, со стороны рыбацких лачуг стала доноситься стрельба...

Кинт ненадолго вернулся в гостиницу господина Дова, забрал одну из больших сумок и сообщил прислуге, что завтра утром съезжает, а через час он уже расположился в съемных апартаментах на площади. Переодеваться не стал, а лишь достал из сумки объемную деревянную шкатулку и присел с ней у трюмо. Через полчаса Кинта было не узнать – черный парик с волнистой прической, бакенбарды, преходящие в аккуратные усы и бородку. Достав из кармана темные очки, Кинт надел их, глядя на себя в зеркало и тихо сказал, придав голосу хрипотцы:

– Эд Тиссэ, очень приятно... да, небольшая табачная мануфактура и табачные плантации к западу от Шоута. Сигару?

Кинт извлек из шкатулки серебряный пенал, открыл крышку и достал одну из четырех сигар, подкурил ее и подошел к окну с видом на площадь. На Латинг опускались теплые весенние сумерки, исчезла суета, стали появляться прогуливающиеся пары, а также в разы прибавилось городских, пеших и верхом. Еще немного подождав, пока зажгутся газоразрядные фонари, Кинт притушил сигару в массивной каменной пепельнице на столе и вышел... вышел через окно в соседней комнате. Еще при первом посещении Кинт приглядел этот выход и сейчас он сбросил вниз заранее приготовленную веревку, ступил на замковый камень кирпичного орнамента окна этажом ниже и тихо спустился со второго этажа, после чего скрутил и забросил веревку обратно в окно. Во внутреннем дворе было тихо, разве что испуганная крыса прошмыгнула вдоль стены.

– Куда угодно господину? – около Кинта остановился моторный экипаж.

Сбросив обороты и переключив несколько рычагов, водитель расплылся в дежурной улыбке.

– «Цветы Латинга».

– О, самое время! Забирайтесь, мигом доедем.

– Быстро не надо, хочу посмотреть город.

– Как вам будет угодно...

– Вечерние новости! – чуть не угодил под колеса мальчика – разносчик газет, – покушение на монарха! Покушение омрачило торжества в честь пятилетия Северной войны!

Преступник застрелен!

– Парень! Тебе что, жить надоело?! – закричал водитель экипажа, с трудом успев затормозить.

Кинт выставил ногу вперед и упер ее в сиденье водителя, дабы не улететь при резком торможении.

– Купите вечернюю газету, господин! – мальчишка даже не отреагировал на случившиеся и протянул пассажиру одну из газет из толстой сумки через плечо.

– Вот, возьми, – Кинт бросил пару медяков в ладошку мальчишке и взял газету.

Поездка была приятной, во-первых, потому, что двигатель экипажа оказался не паровым, а из новых, что используют горючее, которое варят из черных смол, добываемых на юге. Во-вторых, водитель действительно ехал медленно, с полчаса экипаж крутился в богатых районах на востоке Латинга, а затем выехал на набережную полноводной Зиды, русло которой было скованно камнем, а дальше, в пригороде, виднелась плотина и энергетические цеха. На протяжении всей набережной к воде, через каждые две сотни шагов, спускались ступени и имелись небольшие причалы, у которых застыли маленькие катера и прогулочные речные трамвайчики. Света очень много – столбы с газоразрядными фонарями стоят очень часто, да и от больших витрин и окон множества увеселительных заведений, расположенных в на первых этажах каменных домов старого города, на тротуар падает теплый желтый свет. В конце набережной, где

дорога упиралась в роскошный и освещенный парк, выделялось трехэтажное здание, стоящее особняком от всех. Экипаж остановился рядом с ним.

– Вот и прибыли, – водитель обернулся.

– Благодарю, – Кинт вложил пару серебряных монет в протянутую ладонь в кожаной перчатке.

Экипаж укатил, уступив место другому подъехавшему экипажу, из которого с задорным хохотом вывалилась копания совсем молодых девушек в дорогих одеждах и украшающих декольте драгоценностях. Кинт им почтительно поклонился, чуть приподняв котелок, на что они все по очереди «отстрелялись» в него глазами и продолжая хохотать забежали внутрь.

– Вы в первый раз у нас? – из-за колонны навстречу Кинту вышел широкоплечий мужчина, в кожаном пиджаке и, заложив руки в белых перчатках за спину, покачался на пятках.

– Да, впервые... давно построили это здание?

– Три года назад, и наш клуб сразу стал популярен, и хочу заметить, не только среди аристократии Латинга.

– И каким образом можно получить членство в вашем клубе?

Мужчина смерил взглядом Кинта, некоторое время пристально смотрел ему в глаза, а затем, широко улыбнувшись и указав рукой на дверь, сказал:

– Прошу вас... эм...

– Тиссэ, Эд Тиссэ.

– Прошу вас, господин Тиссэ, проходите сюда, пожалуйста.

Отметив, что этот мужчина в кожаном пиджаке здесь скорее всего охранник, Кинт сунул газету в боковой карман и прошел в широкие двустворчатые двери с разноцветной мозаикой из стекла в форме букетов цветов.

– Направо, пожалуйста, – мужчина указал рукой на каменную тумбу справа от входа, за ней стояла миловидная женщина с замысловатой прической, которую украшала маленькая шляпка с темной вуалью, спадающей на лицо, очень красивое лицо, – там вас встретят и все оформят, быстро и без задержек.

Охранник вероятно подал какой-то условный знак, потому что дама за тумбой сразу приятно улыбнулась и глубоко вздохнула, отчего даже скрипнули ремешки кожаного корсета, подчеркивающего пышную грудь.

– Решили оформить членство в нашем клубе?

– А почему бы и нет, – Кинт улыбнулся в ответ.

– Тогда будьте добры, ваш жетон гражданина, – дама взяла со стола изящные монокуляры на длинной костяной ручке и приготовилась читать.

Кинт оттянул ворот сорочки идвумя пальцами потянул золотую цепочку, показался серебряный жетон...

– Эд Тиссэ, – прочитала она, отложила монокуляры и вытащила из держателя небольшую картонку с золотым тиснением и каким-то гербом, затем макнула перо в чернильницу

и вписала имя на странице книги, что лежала перед ней, потом вписала имя на картонке, – вот, не потеряйте... ах, да, с вас двадцать кестов золотом, следующий взнос будет в конце лета и вполовину меньше.

Кинт достал кошелек и отсчитал два десятка золотых кестов.

– Добро пожаловать в клуб, – взяв карточку за угол большим и указательным пальцами, дама несколько раз помахала ей и протянула Кинту.

– Благодарю, – Кинт убрал карточку в нагрудный карман, – теперь расскажите, что у вас тут.

– На первом этаже ресторан, там вы можете заказать ужин, на втором этаже библиотека и небольшой концертный зал, а на третьем, – тут дама кокетливо приподняла бровь и чуть подалась вперед, – на третьем этаже номера... Развлекайтесь, ночь длинна, господин Тиссэ.

– Благодарю, – Кинт чуть поклонился и направился к высокой арке, с которой до пола спадали бархатные шторы.

Оказавшись в роскошном зале ресторана, Кинт решил не садиться за свободный столик, которых было всего два из трех десятков, а прошел в одну из незанятых кабинок. Надо привыкнуть к обстановке и осмотреться...

«Похоже, это обыкновенный бордель для местной аристократии» – подумал Кинт, удобно уселся на мягкий диванчик и поманил рукой долговязого парня из прислуги, что проходил мимо.

- Что изволите? – замер тот в ожидании заказа.
- Даже не знаю, что вы посоветуете на ужин?
- Сегодня великолепная телятина.
- Хорошо, несите, и вина обязательно.

Богатая, прожигающая жизнь публика... Кинт смотрел на них как на фигуры на шахматной доске, смахни рукой и расставляй новые – ничего не изменится. Кинту вдруг вспомнилась фраза покойного Волье, когда они с ним сидели на смотровой площадке экспедиционной машины. Лагерь был разбит на восточном берегу терратоса, океанские волны набегали и с шипением откатывались обратно, был уже поздний вечер, и они с Волье засиделись после ужина с бутылкой шанта...

– Знаешь, что общего между бандитами и аристократами? – Волье уже захмелел и был немного зол на прочитанную утром статью в газете.

– Нет, – помотал головой Кинт.

– Они разбрасываются деньгами, которые не заработали своим потом, своими руками, честным трудом! У них одна мораль, точнее её полное отсутствие!

– Всё же не все такие, наверное...

– Может и не все, но большинство!

Появился долговязый, вырвав Кинта из воспоминаний, быстро расставил на столе блюда, разложил столовые приборы и из прозрачного графина наполнил бокал вином.

– Отдыхайте, господин Тиссэ.

– Спасибо, – Кинт кивнул и подумал: – «Интересно, прислуга по имени всех помнит?»»

Мясо быстро исчезло с тарелки – действительно вкусно, да и вино, Кинт никогда такого не пил. Снова наполнив опустевший бокал, Кинт откинулся на спинку мягкого диванчика, обитого алым бархатом, достал пенал и, раскурив сигару, стал наблюдать за присутствующими. Публика разного возраста, разного достатка, мужчин и женщин примерно одинаковое количество, впрочем, женщин все же больше. Чего только стоит шумная компания пятерых девушек, которых Кинт встретил у входа и которые теперь сидят через столик, пьют вино и громко смеются, обсуждая кого-нибудь из присутствующих в зале мужчин. Откуда-то сверху стала доноситься музыка, Кинт пристроил сигару в пепельницу и направился к широкой винтовой лестнице.

– Вы тут один?

Неимоверных усилий стоило Кинту, чтобы не сломать хрупкую руку девушки, одной из той самой шумной компании...

– Да, решил познакомиться с этим заведением, – ответил Кинт, смирившись с тем, что его весьма настойчиво придержала за локоть девушка и в то же время подумал: – «Сопливая обольстительница»

– Я Дейни, – девушка присела в поклоне, а потом повернулась к подругам и сказала: – девочки, мужчина один!

С юношества Кинт практиковался в стрельбе, изучал во-

енное дело, затем командовал сотнями людей и отправил к праотцам многих врагов, орденская наука, казалось, подготовила его ко всему, что может произойти... но, не к излишнему женскому вниманию. Однако два бокала великолепно-го вина, все же помогли немного расслабиться, перестроить мозги и не начать стрелять в посетителей клуба через одного...

Девушки как сороки слетелись к Кинту, и в их компании он поднялся на второй этаж. Небольшое фойе, еще один охранник в кожаном пиджаке за каменной тумбой, две двери – одна закрыта, и на ней начищенная до блеска позолоченная табличка гласила «Библиотека», вторая дверь распахнута, и музыка доносилась оттуда.

– Идемте же! Начинается! – Дейни продолжала тянуть Кинта за собой, похоже, она была заводилой в этой стае «сопловых обольстительниц».

Небольшой уютный зал, в два раза меньше того, что внизу, по периметру трех стен мягкие стулья, с десятков столиков перед сценой. Свободных мест уже почти не было. На сцене играл совсем маленький оркестр на незнакомых Кинту инструментах, еще был странно разодетый мужчина и он пел.

Подруги разбежались по залу, заняв пока еще свободные места, а Дейни потянула Кинта к двум пустующим стульям у стены.

– Чему вы улыбаетесь? – прошептала Дейни, после того как артист затянул уже третью песню. – Это же такая груст-

ная песня.

– Я оставлю вас и зайду в библиотеку.

– Хорошо, я вас там найду, позже... – Дейни стрельнула глазами, а потом снова повернулась к сцене с вдохновенным лицом, какое, наверное, должно быть у истинной ценительницы искусства в момент культурного экстаза.

Покинув зал и остановившись в холле, Кинт в голос расхохотался, но взял себя в руки, после того как поймал на себе недоумевающий взгляд охранника. Не мог же он назвать причину своего веселья, а причина в том, что все услышанные песни Кинт неоднократно слышал, а то и пел сам, в тавернах, среди портовых грузчиков и в бедных кварталах Актура. Правда, немного отличался мотив, и текст чуть изменен, но в целом это те же застольные песни бедноты. «Даже песни у бедняков украли», – подумал Кинт и потянул на себя массивную дверь библиотеки...

Единственной книгой здесь была та, которую читал в дальнем углу зала почтенного возраста седой господин, он отвлекся от чтения, бросил короткий взгляд на Кинта и снова опустил глаза. Зеленые абажуры свисали с потолка и освещали с десятков игральных столов. Было накурено, табачный дым стелился под низким потолком, игроков было гораздо больше, чем любителей музыки в соседнем зале. Пузатые бутылки шанта, трубки, сигары...

– Во что предпочитаете играть? – от одного из столов отошел уже весьма захмелевший мужчина.

– Можно испытать удачу в кости, – ответил Кинт.

– О, вы любитель простых игр?

– А зачем усложнять?

– Тогда готов составить вам компанию, прошу, – мужчина кивнул на единственный пустой стол.

– Господин Давье! Вы уже достаточно выиграли сегодня, – между Кинтом и собеседником влез какой-то скользкий тип, Кинту он не понравился, было в его глазах что-то лукавое, нечестное.

– Хорошо, Жак, я уступлю тебе партию.

Кинт и неизвестно откуда появившийся Жак уселись за стол... В кости Кинту везло, практически всегда, еще будучи звеньевым в Северном форту, он обыгрывал всех, правда, играли в основном на интерес, если бы покойный капитан Бретэ узнал о ставках на деньги, то пристрелил бы не задумываясь. Впрочем, на деньги тоже играли, но за пределами форта.

Через час Кинт уже вернул с лихвой потраченные на уплату членских взносов золотые кесты, а Жак стал заметно нервничать.

– Господа, – после очередного проигрыша Жак повернулся к сидящим за соседним столиком, – готов выдать расписку на дюжину золотых!

– Жак, – подал голос со своего места старик, что читал книгу, – ты уже много должен, твой отец будет не в восторге.

– Может, действительно, хватит? – спросил Кинт и смах-

нул монеты со стола в кошелек, который заметно потяжелел.

– Ну уж нет! – Жак стянул с пальца золотой перстень с большим камнем, – во сколько вы оцените этот перстень? Он принадлежал моему прадеду, которому он достался как награда от Таргала Объединителя!

– Ни во сколько, для меня он ничего не стоит. Думаю, лучше прекратить игру.

– Ни во сколько? – Жак побелел от злости, – господа! Этот... этот...

– Тиссэ, Эд Тиссэ, – подсказал Кинт.

– Этот Тиссэ... кстати, откуда он взялся?

– В дверь вошел...

– Он еще и издевается! Господа, этот Тиссэ только что оскорбил мой великий род! Он заявил, что перстень Таргала Объединителя ничего не стоит.

Все зашумели, неодобрительно зашумели и стали подходить к столу.

– Я сказал, что для меня ваш перстень ничего не стоит, – уточнил Кинт и поднялся, – вы пьяны, молодой человек и не стоит продолжать и портить вечер уважаемым людям.

– Зря вы это, – кто-то снисходительно похлопал Кинта по плечу, – Жак хороший стрелок...

– Стреляться! Вы нанесли мне, нет, вы нанесли оскорбление всему моему роду! – Жак подскочил к Кинту и брызгал слюной.

– Вы серьезно? – Кинт не верил своим ушам.

– Более чем! На крышу, господа, пусть несут револьверы!

Кинта обступили и все присутствующие стали двигаться к дверному проему, занавешенному шторой. За дверью оказалась узкая лестница в три пролета, ведущая на крышу.

– Кто будет свидетелем суда чести? – Жак обратился к толпе, которая высыпала на крышу и окружила оскорбившего и оскорбившегося.

– Извинитесь, – к Кинту подошел и тихо сказал седой старик, держа в руках книгу, – он вас убьет.

– Я не вижу в этом необходимости и тем более не вижу причин для суда чести.

На крышу поднялся охранник с чемоданчиком в руке, следом шел еще один и нес две деревянные стойки с закрепленными сверху подносами.

– Так кто будет судьей? – голос подвел Жака, и он последнее слово будто пропищал.

– Я, – седой подошел к охраннику, тот согнул руки в локтях и открыл чемоданчик.

Кинт внимательно осмотрелся, было похоже, что подобное действие здесь не редкость. Ковровая дорожка раскатана шагов на сорок, ровно посередине натянута веревка и сейчас на нее вешали штору.

– По местам, господа, – громко сказал седой.

Кинт отошел к краю ковровой дорожки, охранник поставил рядом стойку, потом подошел седой, положил старый пехотный револьвер на поднос и ушел за штору, через некото-

рое время вернулся, встал у одной из сторон веревки, в его руке блеснул нож.

– Проверяйте оружие, господа, – крикнул судья.

Кинт убедился, что единственная заряженная камора подведена под курок и, положив револьвер обратно, поднял голову к звездному небу и полной луне.

– Все сделали ставки? – вдруг снова спросил седой.

Все одобрительно закивали и загудели.

– Так вы еще и на этом играете? – тихо, себе под нос пробубнил Кинт, а потом громко сказал: – нет, еще не все.

– Наглец, – донеслось откуда-то сбоку, где стояли сочувствующие оскорбленному Жаку.

– Вот, – Кинт бросил седому под ноги кошелек, – ставлю на себя.

– Готовьтесь, господа, – судья поднял руку с ножом и поднес лезвие к веревке.

Штора полетела вниз, Жак схватил револьвер двумя руками, взвел курок и выстрелил первым... Кинт почувствовал, как совсем близко от его виска пролетела тяжелая круглая пуля, поднял с подноса револьвер, правой рукой, большим пальцем взвел курок, прицелился и нажал на спуск... щелк... Пожав плечами, Кинт положил на место револьвер, и достал из-под пиджака пистолет...

– Н-нет! – Жак побледнел и поднял руки перед собой.

Кинт чуть отвел ствол влево и выстрелил. Пуля пробила правую ладонь Жака, он не сразу сообразил, что произошло,

а потом свалился на ковровую дорожку прижав к груди прострелянную руку, стал кататься и истерически орать... На крыше воцарилась тишина, а Кинт с пистолетом в руке подошел к седому.

– Похоже, в этот раз, ваша игра пошла как-то не так. Что скажет судья чести? Мне довести дело до конца?

– Не стоит, вы доказали свое право, – тихо ответил судья. Кинт убрал пистолет, поднял свой кошелек и пошел к чердачной кибитке.

– Что там? – по узкой лестнице поднималась вся компания девушек-хохотушек.

– Господа стрелялись, – ответил Кинт, пропустил девушек, прижавшись к стене, и продолжил спускаться.

– Как интересно... почему нам не сказали..., наверное, уже все закончилось... – стуча каблучками, девушки продолжили подниматься, придерживая подолы своих нарядов.

Усевшись на свое место в ресторане и раскурив потухшую оставленную в пепельнице сигару, Кинт хотел позвать долгоязого, но тот возник у стола сам, из ниоткуда.

– Что-то еще, господин Тиссэ?

– Принеси-ка шанта.

– Сию минуту...

Кинт обратил внимание, что началась какая-то суeta – быстрым шагом в зал вошел рослый мужчина, явно из местной знати, за ним двое мордоворотов, вся троица проследовала наверх по винтовой лестнице. Потом из холла, из-за

бархатной шторы заглянул охранник, что был у входа в заведение, осмотрел зал, нашел взглядом Кинта и, выставив из-за шторы руку с кулаком и большим пальцем вверх, подмигнул ему.

– Весело тут у вас, – сказал Кинт долговязому, который вернулся с пузатой бутылкой и стаканом на серебряном подносе.

– Благодаря вам, господин Тиссэ, кое-кто теперь остепенится... если его отец не сделает то, чего решили не делать вы.

– А кто, к слову, этот Жак?

– Сын хозяина нашего заведения.

– Забавно...

– Более чем! – долговязый прыснул в кулак, развернулся и пошел к столику в другом конце зала.

Кинт наполнил низкий и широкий стакан шантом, выпил двумя большими глотками и, выпустив сигарный дым к потолку, откинулся на спинку диванчика, с мыслью: – «Я же пришел сюда экономку себе подыскать...».

По винтовой лестнице сбежал один из мордоворотов, вышел в холл, потом вместе с охранником, который указал кивком на Кинта, заглянул в зал. Кинт расстегнул все пуговицы пиджака, прижав локти и почувствовав рукояти пистолетов. Волноваться не стоило, он в своем праве, но как устроен этот мир, Кинту давно известно.

– Господин Тиссэ, – весьма вежливо, низким голосом про-

говорил подошедший к столу мордоворот, – с вами хотят поговорить.

– Тогда прихвати мою бутыль и стакан.

– Идемте за мной, – мордоворот учтиво поклонился, прихватил со стола бутыль и стакан, и пошел к лестнице.

Поднялись на третий этаж, длинный коридор, по обе стороны двери комнат, пахнет дурманящими травами и развратом... В конце коридора широкая дверь, перед ней стоит второй мордоворот, кивнув Кинту он открыл дверь.

Комната большая с массивным столом посередине, высокий потолок, в углу камин, паркет с мозаикой. У камина, в одном из двух кресел сидел тот самый рослый пожилой мужчина, он сразу поднялся, сделав жест рукой мордовороту, чтобы тот удалился. Охранник поставил на стол бутыль и стакан и вышел.

– Хочу принести вам извинения, господин Тиссэ, – голос приятный, уверенный... из-под густых бровей волевой, скорее властный взгляд.

– Мне думается, что вам не за что извиняться... с кем имею честь?

– Андрэ Вайс, – мужчина протянул широкую ладонь, – я отец того недоразумения, которого вы пощадили и в то же время наказали, он теперь долго не возьмет в руки игральные кости и тем более оружие.

– Детей, господин Вайс, надо воспитывать в более молодом возрасте, иначе они рискуют не только своей жизнью, но

и жизнью других, – Кинт ответил на рукопожатие.

– Согласен с вами... присядем? – Вайс показал на низкий столик между креслами напротив камина, на полке под столешницей был весьма привлекательный набор из красивых бутылей и графинчиков.

– Не против, секунду, – Кинт взял со стола свою бутыл, стакан и усевшись в удобное кресло налил себе шант, затем держа бутыл в руке достал с полки под столиком пустой стакан, плеснул в него шанта и пододвинул хозяину кабинета.

– Моя супруга умерла от чахотки, когда сыну не исполнилось и года, я пытался быть хорошим отцом, но вероятно что-то упустил... – Вайс тоже сел и поднял стакан.

– Ладно, господин Вайс, я пришел в ваше заведение не стреляться, и уж тем более не воспитывать кого-то, забудем!

– Вы благородный человек, господин Тиссэ, надеюсь на дальнейшее знакомство, – Вайс отсалютовал стаканом в сторону Кинта и отпил крепкий напиток.

– Если честно, – Кинт чуть подался вперед, – мне порекомендовали это заведение, чтобы найти себе экономку.

Вайс дослушал фразу, тоже подавшись вперед, потом грохнул широкой ладонью по столешнице и громогласно расхохотался.

– Только вот теперь теряюсь, какую мне выбрать, беленькую или темненькую, толстуху или стройную, – Кинт договорил с серьезным лицом и тоже засмеялся, откинувшись на спинку кресла.

Дверь приоткрылась, один из мордоворотов просунул голову, убедился, что все нормально и снова исчез.

– Уфф... – Вайс просмеялся, достал из кармана носовой платок и промокнул им в уголках глаз.

– Так что, – Кинт наполнил стаканы, – мне остается сожалеть, что просьба моего приятеля останется не выполненной.

– Какая просьба?

– Найти экономку, это действительно так, просто давать объявление в газету – это немного не то, лучше услышать рекомендации от уважаемых людей и прислушаться к их советам. Мой приятель открывает здесь, в Латинге, представительство, дело серьезное... вот и попросил меня. А я здесь тоже недавно, так, осматриваюсь... последний раз был в Латинге еще до Северной войны.

– Многое изменилось после Северной войны... – Вайс стал серьезным, – значит, вы действительно ищете хорошую экономку, что ж, думаю, я смогу вам помочь.

– Это было бы великолепно!

– Куда ее направить и к кому?

– Послезавтра мой приятель как раз вернется из поездки, он открыл контору, вниз по улице от площади «представительство Северного горного треста».

– О, солидный человек, должно быть ваш приятель.

– Это да.

– А вы, господин Тиссэ чем занимаетесь?

– Небольшая табачная мануфактура и табачные планта-

ции к западу от Шоута. Сигару? – Кинт достал серебряный пенал, открыл крышку и предложил Вайсу, – в моей семье все были людьми науки, а я вот, отошел от устоев и решил заняться табаком.

– Благодарю, но я не курю табак, хотя запах мне нравится, так что можете закурить.

Вайс внимательно посмотрел на руки Кинта, когда тот раскуривал сигару и сказал:

– Вы хорошо стреляете.

– Я много практикуюсь, люблю это дело.

– Экипаж подан, господин, Жака осмотрел ваш лекарь и повез домой, – снова приоткрыл дверь, просунул голову и доложил один из мордovorотов.

– Что ж, господин Тиссэ, был рад знакомству, – Вайс поднялся, достал из нагрудного кармана небольшую тонкую медную пластину и протянул Кинту, – продолжайте отдыхать, еще раз извините, а с экономкой обещаю, я вам помогу.

Кинт покинул «Цветы Латинга» глубокой ночью в компании пятерых девушек. Заплатив водителю моторного фургона золотой кест, он попросил развезти всю веселую компанию по домам. Дейни очень настойчиво предлагала продолжить веселье в ее обществе, но Кинт отказался, сославшись на плохое самочувствие после безмерной пьянки, что отчасти было правдой.

Фургон покатил дальше по мостовой ночной улицы, а Кинт шагнул в тень подворотни, стянул парик, отлепил усы

и бородку и сунул весь этот маскарад в карман. Одним из ключей, что дала хозяйка апартаментов, отомкнул уличную дверь на лестницу, поднялся наверх, в апартаменты, и с большим облегчением стянул с себя туфли. В комнате, что с видом на площадь, было свежо – Кинт оставил открытым окно и здесь и в другой комнате.

– Утро будет прохладным, – вслух сказал Кинт, прошел по комнатам и закрыл окна.

Затем, он зажег светильник на столе, сел на стул и выложил из кармана на белоснежную скатерть с кружевами сначала газету, потом тонкую медную пластину... «Председатель правления зерновых бирж Степной провинции Андрэ Вайс» – было отчеканено мелким шрифтом.

– Солидное знакомство, – сказал Кинт, отложил пластину и развернул газету на первой полосе, – похоже, Стрелок сделал свое дело...

За последние несколько лет прогресс продвинулся не только в развитии энергии, оружия, силовых установок. И если во времена юности Кинт о фотографии только читал в газетах или слышал на занятиях в сиротской школе, то со временем фотография перестала быть очень дорогим развлечением для аристократии. В городах появлялись салоны фотографических художеств, на фотографов учили в Майнге, там же из года в год совершенствовалось и фотографическое оборудование. Давно можно встретить фотографа на службе в жандармерии или в крупной газете... Вот и теперь

Кинт не без удивления смотрел на фотографию преступника, буквально изрешеченного пулями, рядом винтовка. Без сомнения, это винтовка Стрелка, изготовленная на заказ, под мощный патрон с тяжелой пулей, но преступник на фото – это не Стрелок. В статье говорилось, что монаршей персоне уже ничего не угрожает, хотя он и пребывает в крайне тяжелом состоянии. Преступника застрелили городовые, когда тот, убегая, внезапно запнулся и стал хорошей мишенью. В статье также говорилось, что городской совет Актура и совет Гильдий объявили, что торжества по случаю годовщины Северной войны отменены не будут.

«Интересно, почему Стрелок не стрелял в голову? Если верить газете, то для навыков Стрелка расстояние от рыбацких лачуг до пристаней даже не дистанция, так – стрельба для развлечения, как по бутылкам», – думал Кинт, раздевшись и погасив лампу, еще, забравшись под одеяло, он с сожалением думал о том, что выпил неприлично много, а времени выспаться осталось мало...

Глава четвертая

Утром зарядил дождь и выбираться из-под одеяла не хотелось. Наконец Кинт поборол в себе эти аристократические замашки – поваляться с утра в постели после ночного веселья. Подошел к окну и открыл его, пустив в комнату свежий и сырой воздух, пусть лучше так, хоть взбодрит. Затем,

несколько раз потянул за шнур, свисающий с потолка у входной двери – вызвал с кухни доходного дома прислугу. Спустя минуту, в дверь осторожно постучали, и худенькая девчушка в накрахмаленном белом чепце и белом же фартуке, вошла в комнату. Кинт попросил ее принести завтрак, та согласно кивнула и исчезла за дверью.

Позавтракав и подобрав подходящую для погоды за окном одежду – длинный, до пят, кожаный плащ и кожаную шляпу с широкими полями и низкой тульей, Кинт отправился в гостиницу, нужно забрать остальные вещи, лошадь и ехать на ферму...

Возможно, показалось, но прежде чем переехать старый каменный мост над узким каналом, Кинт натянул поводья и оглянулся, придерживав лошадь. С полей шляпы, набираясь в большие капли, текла дождевая вода, дождь полил еще сильнее. Но никого, разве что, накрывшись куском парусины, спешат по дороге к центру двое подростков.

– Ты, что, караулил? – Кинт спросил Гиро, подъехав к воротам.

Калека-ветеран весьма резво приковылял от домика прислуги еще до того, как Кинт приблизился к ферме.

– Выспался, господин Кинт, сидел, в окошко смотрел, – открывая ворота ответил Гиро.

Кинт поморщился, никак он не привыкнет к этому «господин».

– Сведи лошадь под навес конюшни, – сказал Кинт, ловко

соскочив на землю и сняв седельные сумки, пошел в дом, – потом сюда приходи, да, и дров из сарая прихвати.

В доме пахнет сыростью, и вообще, неудобно... Кинт подошел к массивному столу с круглой столешницей из отлично подогнанных толстых досок, и со скрипом подтащил его ближе к камину. Затем достал из одной из сумок деревянный сундучок с канцелярскими принадлежностями, извлек щипцы для печати-оттиска, пару листов бумаги и толстую авторучку.

– Уф... вроде стихает, – в дом вошел Гиро с охапкой поленьев, – куда их?

– К камину и растопи его, уютней будет.

– Сделаю, – кивнул тот и похромал к стене.

Кинт проводил Гиро взглядом, отметив, что что-то изменилось во вчерашнем пропойце. Нет, внешний вид оставлял желать лучшего – ввалившиеся глаза, грязные волосы, глубокие морщины на сером лице... но появилась какая-то надежда у человека. Кинт принялся, когда Гиро проходил мимо – выпивкой не пахнет, разве что невымытым телом и потом.

– Ты вот что, – Кинт достал штык из-за голенища сапога и присел у камина, помогая Гиро наколоть щепы от поленьев, – обойди весь дом, тут наверняка есть котел, согрей воды, приведи себя в порядок, одежду почисти.

– Это я с удовольствием, – сложив наколотые щепки шалашиком, Гиро взял с полки камина большую коробку со спич-

ками, растопил камин и хмыкнул: — Думал, вот потеплеет, пойду на берег Зиды, там, где помельче, и вода прогрелась, да хоть отмоюсь.

— В доме несколько ванных комнат, выбирай любую.

— Ох, господин Кинт, — Гиро потянул руки к разгорающемуся огню, — даже и не верится мне, что со мной такое случилось.

— Так и не разочаровывай меня, — Кинт улыбнулся, подойдя к столу, — ... я сейчас тебе доверительную грамоту отпишу, с ней нужно явиться на товарную станцию, забрать оттуда груз и договориться о перевозке его сюда, в том сарае у колодца все пусть сложат. Вот в порядок себя приведешь и отправляйся, повозку найми. Вот, это на повозку, — Кинт начал выкладывать на столешницу монеты, — это рассчитаться с грузчиками и за наем грузового фургона.

— Все сделаю, господин Кинт, — Гиро переминался на ноге и протезе, который немного просох и поскрипывал.

— Револьвер теперь заряжен?

— Так есть!

— Хорошо, как только груз будет здесь, его нужно будет охранять, придется вставать ночью и обходить дом.

— Это понятно.

— Сними-ка жетон гражданина, я его оттиск сделаю на грамоте...

Оставив еще несколько важных поручений Гиро и вручив ему грамоту представителя конторы, Кинт уехал с фермы,

забросив седельные сумки в одну из комнат на втором этаже, через которую проходила труба от камина, в комнате было уже не так сыро и затхло, оставалось только проветрить, что Кинт и сделал, распахнув тяжелые резные рамы большого окна.

Кинт не заметил, как пролетела неделя. Время он проводил соответственно образу – то есть праздные прогулки по городу, посещения ресторанов и между этим все работы по организации конторы. Двое бравых рубак из кавалерийского корпуса, которых прислал Дарг, были наняты и расквартированы на ферме. Задачи у них были простые – обеспечить безопасность конторы и загородной резиденции, то есть фермы. Они даже похожи чем-то были друг на друга, но это объяснялось тем, что в кавалерийские корпуса набирали в основном из горских деревень, где, так или иначе, через два-три поколения если не все, то большинство были дальними родственниками. Один был старше другого на пару лет и скорее всего ровесник самого Кинта, его звали Дирр, имя второго, что младше – Оллэ. Кинту они сразу понравились, парни были не особо разговорчивы, но внимательны и исполнительны, что от них и требовалось. Обеспечив обоих некоторым количеством кестов, Кинт приказал им приобрести трех хороших лошадей, упряжь, а также запастись фуражом. Дежурили в конторе наемники по очереди. А вот с экономкой, присланной Вайсом, вышел сюрприз, и это стало для Кинта своего рода потрясением...

Случилось это, как и обещал Вайс, на второй день после их беседы в «Цветах Латинга». Кинт с утра появился в конторе и пытался навести там порядок. Как должна выглядеть подобная контора, Кинт знал лишь в теории, поэтому посетил пару соседних, вроде как познакомиться с соседями и подсмотреть. К обеду приобретённая мебель была расставлена, разложены на полках десятки папок, набитых газетами, канцелярские принадлежности заняли свои места на столах.

– Добрый день, – донеслось от двери ровно в полдень, когда Кинт находился в чулане и пристраивал в оборудованный тайник пару пистолетов, – можно войти? Я от господина Вайса, он сказал, вам нужна экономка...

Кинт сразу вспомнил этот голос – приятный, низкий, с придыханием. Он даже и не знал, как реагировать, и не торопился выходить из чулана, задул светильник и лишь крикнул в ответ:

– Минуту, присядьте, где вам будет угодно...

– Спасибо.

Кинт аккуратно, находясь в темноте чулана, осмотрел гостью, которая сняла легкий плащ, повесила его на спинку стула, но садиться не стала, а медленно прохаживалась, осматриваясь. Из-под изящной, скорее декоративной шляпки на плечи спадали медно-рыжие волосы, чуть вздернутый аккуратный носик, на нем недорогие очки в тонкой золотой оправе, как всегда очень открытое декольте, подчеркнутое кожаным корсетом и длинное в пол платье, едва видны каб-

луки дорогих туфель... разве что лицо теперь более загорелое, и в целом, Кинт отметил, что она повзрослела. Пока гостья разглядывала патент под стеклом на стене, Кинт наконец справился с эмоциями, тихо вышел из чулана и сказал:

– Никогда бы раньше этого не сказал, но я действительно рад тебя видеть, Шагэ.

Любопытство, с которым гостья изучала документы на стене, сменилось одновременно радостью и страхом в глазах, ее ноги даже слегка подкосились, и она оперлась на стену рукой...

– Кинт... Кинт, я... сделала все, что можно, я предлагала им жить в имении моего мужа, там, на юге... но Мадэ... я ей никогда не нравилась... а потом меня нашел этот полковник из тайной жандармерии, он приехал с каким-то хромым мужчиной, который меня очень напугал... он говорил, что он отец Сэт... но я правда...

– Не тараторь! – Кинт прикрикнул, Шагэ вздрогнула и закрыла глаза, по ее щекам покатались слезы.

– Поверь, поверь мне, Кинт.

– Я тебе верю, – Кинт подошел к ней, взял под локоть, и усадил на удобное плетеное кресло для посетителей, – а чего плачешь?

– Боюсь...

– Кого?

– Тебя.

– А для этого есть основания?

– Ну как же, я увезла Сэт из Латинга на юг, а она там пропала...

– Во время войны она пропала бы здесь быстрее, я знаю, что творилось в Латинге в это время, ты все правильно сделала.

– Да? – Шагэ достала носовой платок, вытерла мокрые глаза, а потом громко, как-то по-детски высморкалась.

– Давай, успокаивайся и поедem, отметим встречу в хорошем месте, там и поговорим, нам есть о чем поговорить.

– Это точно, – закивала Шагэ, – как будто все было в другой жизни. А что с работой? Ты здесь вообще кем, охранником? Тут нужна эконоmка? Я в прошлом году закончила курсы, у меня есть пара рекомендаций...

– Не тараторь! – снова повысил голос Кинт, взял со стула плащ, накинул его на плечи Шагэ и, развернув ее к выходу, сказал: – Вперед!

В квартале различных контор и представительств был уютный ресторанчик, в самом начале улицы. Столиков не много, с десятков, публика в основном из аристократической прослойки общества. Три больших окна просторного эркера с видом на главную площадь и столики рядом все заняты, но это даже лучше... Войдя в заведение, Кинт кивнул на одну из трех ширм в дальнем углу, за которыми тоже располагались столики, для тех, кто любит уединиться за трапезой.

– Здесь очень дорого, – прошептала Шагэ и улыбнулась идущему навстречу официанту.

– Приветствую вас в нашем ресторане, – пухлый, но весьма подвижный молодой человек остановился перед Кинтом и Шагэ, – вижу вы у нас впервые, обещаю – не пожалеете! У нас отменная кухня.

– Мы там расположимся, – Кинт легко подтолкнул Шагэ в спину в сторону ширм.

– Понимаю, – официант чуть поклонился, но не сильно, дабы не отводить взгляда от декольте Шагэ.

Кинт сделал заказ, весьма скромный по меркам этого заведения – суп из оленины, салат овощной для себя, салат фруктовый для спутницы и бутылку белого вина. Салаты и вино принесли сразу же, а горячее обещали подать чуть позже. Проводив взглядом официанта, Кинт расстегнул пару верхних пуговиц строгого пиджака из серой шерсти и поднял бокал.

– Что ж, за встречу.

– За встречу, – Шагэ ответила Кинту, отсалютовав в его сторону своим бокалом, чуть пригубила вино и сразу наколола на тонкую вилку дольку яблока, – я не ожидала тебя здесь встретить, тот хромой мужчина...

– Григо?

– Да, он говорил, что ты пропал где-то на юге, и что до этого наемничал в Шоуте.

– Все верно, чуть не пропал, – Кинт тоже немного отпил вина, – я, если честно, тоже думал, что ты так и осталась на юге, у тебя же там вроде все хорошо сложилось.

– Да, было неплохо, пока мужа и других фермеров в долине не обложили податями гильдии Шоута, он начал сильно пить, распускать руки, забрала дочь и уехала.

– Дочь? У тебя дочь?

– Да, – Шагэ улыбнулась, – малышке Сали уже полтора года.

– А Вайс? – сразу решил выяснить Кинт, – кто он тебе?

– Хороший клиент... был. Он правда, очень добрый человек, оплатил мои курсы экономок, я даже немного поработала у него, пока Жак...

– Избалованный мерзавец...

– О, ты тоже успел с ним познакомиться? Да, ты прав, Жак как-то с приятелями сильно напился и хотели взять меня силой, но господин Вайс вмешался... подожди, подожди, я кажется поняла! Это ты прострелил руку Жаку?

– Нет, я уже давно не стреляю, это был мой приятель, он уже уехал домой, на юг.

Шагэ сделала глоток вина, чуть подалась вперед, несколько секунд смотрела Кинту в глаза, а потом, улыбнувшись сказала:

– Ну, не стреляешь, и хорошо.

– Я прочитал записку Сэт, когда после войны вернулся в Латинг, она писала, что отправилась с тобой и Мадэ на юг...

– Вот и горячее, вы позволите? – за ширмой появился официант.

Кинт кивнул, дождался, пока официант расставит фарфо-

ровые тарелки с супом и удалится, и продолжил:

– ... почему вы не остались вместе? Втроем?

– У нас было несколько стычек со всяким отребьем по дороге туда, отбились, твоя невеста не из робкого десятка...

– Дочь своего отца, – грустно улыбнулся Кинт.

– Да... вот, а Мадэ, она мне не доверяла, понимаю... да и я, сказать честно, особой симпатии к ней тоже не испытывала, ругались все время, мы расстались в неделе пути до Шоута.

– Ясно, – Кинт придвинул к себе тарелку и стал молча работать ложкой.

– Жаль, что не смогла тебе помочь, – Шагэ не притронулась к горячему, лишь допила остатки вина в бокале, выправив спину, откинулась на высокую, резную спинку стула, достала из крохотной сумочки длинный, изящный костяной мундштук, проворно вставила в него тонкую сигару, – ты не против?

В ответ Кинт помотал головой.

– А ты, значит, теперь важная персона?

Кинт молча кивнул.

– Это представительство, ты в нем управляющий?

– Угу... – Кинт отодвинул пустую тарелку и разлил вино по бокалам, – я тебя спрошу, но не советую лукавить, – от Вайса были какие-то отдельные поручения тебе?

– Кинт, ты последний человек, с кем я осмелюсь лукавить... А Вайс, конечно! Это один из самых влиятельных

людей в Латинге, и естественно, он просил, всего лишь просил, докладывать ему о моей работе, ты не подумай, это никак не повлияет на работу представительства... просто, господин Вайс хочет быть в курсе происходящего в городе.

– Я это понимаю, – Кинт чуть отпил вина, достал трубку и, раскурив ее, выпустил дым к потолку, – что ж, выполняй поручение Вайса, но в то же время не забудь и мне поведать о чрезмерном интересе с его стороны к конторе и ко мне лично.

– Хорошо, так значит, я принята на работу?

– Конечно, три кеста... нет, четыре кеста золотом в неделю. Будешь открывать контору с утренним, а зарывать с вечерним боем часов на башне ратуши, отправлять и получать телеграммы и письма... читать их не нужно, – Кинт очень выразительно посмотрел в глаза Шагэ, – позже я познакомлю тебя с другими служащими. Оружие есть?

– Конечно, – Шагэ потянула подол платья вверх...

– Демонстрировать не надо, – Кинт улыбнулся неизменности ее привычки.

– Кинт, а это твое представительство точно будет заниматься законными делами?

– Шагэ, а когда тебя это сильно беспокоило?

– С некоторых пор беспокоит, у меня дочь, а у нее кроме меня никого нет.

– Ты, лично ты ни в чем незаконном участвовать не будешь, а возможно, и совсем наоборот, но об этом позже. И

еще... никому не надо говорить, что мы с тобой давно знакомы.

– Мне это понятно, мог бы и не говорить, – Шагэ тоже выпустила вверх дым, – а теперь, может быть, расскажешь о том, где ты пропадал все это время?

– На северо-востоке, в предгорьях, мне повезло неплохо пристроиться в один горный трест, а теперь я здесь, в Латинге представитель этого треста. Так что особо рассказывать нечего.

– Ты как всегда, немногословен. Что ж, тогда я пойду, нужно договориться с сиделкой, ведь завтра уже работать.

Таким образом, представительство «Северного горного треста» обзавелось персоналом, теперь было необходимо запустить маховик его работы, для чего в последний рабочий день недели Кинт отправился на почту сам, отпустив Шагэ на час раньше домой. Представительство было самым настоящим, правда, «Северный горный трест» об этом понятия не имел и имеет всего три конторы – головная в шахтерском Мьенте, представительство в Актуре, и представительство в Майнге. Как так вышло? Очень просто – в городке Мьент живет очень алчный клерк треста, который решил заработать кестов для своего большого семейства, надо признать, что это решение ему пришло в голову с чужой помощью. У него не было возможности, сказать честно, и желания, отказаться от предложения, сделанного двумя странны-

ми людьми, предложение было щедрым, а взамен эти двое простили лишь пару дюжин чистых гербовых бумаг, оттиск печати и прочей канцелярщины треста. Да, еще в будущем просили иногда заходить на почту и, получив письмо с сургучной печатью с изображением головы волка, выполнить все, что там будет написано. Пустяк же!

Кинт отпустил пораньше и Оллэ, закрыл контору сам и, поймав моторный экипаж, отправился на станцию, на которой оказалось очень многолюдно.

– Тесновато, – снова вслух заметил Кинт, выбираясь из экипажа.

– Конец рабочей недели, – развернулся механик с протянутой рукой.

– Понятно, – Кинт бросил несколько монет ему в ладонь.

Механик увидел богато одетого человека с двумя чемоданами на выходе с перрона и направил экипаж к нему, а Кинт неспешно пошел к зданию почты, благо в этой части станции народа почти не было, разве что копошащиеся грузчики у пакгауза, пара встречных прохожих и закрытый моторный фургон у здания почты. Войдя в почтовую контору, Кинт сразу обратил внимание на то, как посмотрел на него высокий, с армейской выправкой мужчина. Впрочем, посмотрел он обычно, но вот сам взгляд... Кинт быстро оценил обстановку – у окна отправления телеграмм милая старушка в нелепом чепце, у окна приема писем никого, низкого роста толстяк царапает бланк телеграммы за стойкой, рядом этот

высокий, он тоже принялся что-то писать...

«Нет, это скорее всего отставной инспектор или из армейских офицеров, скорее первое...» – подумал Кинт, но еще раз внимательно посмотрел на высокого, чтобы запомнить лицо. Еще раз осмотрелся, достал из кармана бумагу с написанным еще в конторе текстом короткой телеграммы Рузье и встал у окошка за старушкой.

– Мадам Зейн, с вас двадцать пять кестов, – сообщил почтовый клерк.

– Позвольте, но в прошлый раз было двадцать три!

– Но в прошлый раз и телеграмма, вероятно, была короче.

– Ни на слово!

– Я сейчас пересчитаю...

– Извольте, – старушка недовольно хмыкнула, повернулась к Кинту и с ног до головы осмотрела его как памятник.

– Да, вы правы, извините, мадам Зейн, я ошибся.

– То-то! – старушка выставила на столик окошка, скорее всего, заранее приготовленные монеты стопкой и гордо направилась к выходу.

Отправив в Актур телеграмму, Кинт перешел к окошку почтовых отправлений.

– Здравствуйте, проверьте, нет ли для меня писем, – Кинт показал жетон гражданина.

– Добрый вечер, – почтовый клерк расплылся в дежурной улыбке, прочитал имя на жетоне и как-то сразу побледнел.

«Дьявол, значит, не ошибся» – подумал Кинт и развер-

нул к столу уже с пистолетом в руке. Но высокого там не оказалось, Кинт только краем глаза уловил как качнулась только что закрывшаяся входная дверь.

– Так что, есть что-нибудь? – рыкнул Кинт не отводя ствола и взгляда от двери.

– Ничего, простите... но вас ждут.

– Кто?

– Там, на улице, в фургоне.

С пистолетом в руке Кинт решительно прошел к окошку и посмотрел на фургон, в кабине механика никого, скорее всего тот высокий, что сейчас с кем-то разговаривает, и есть механик. Чуть выше головы высокого плотная штора в окне немного приоткрылась и Кинт увидел часть лица, которую он сразу узнал – острый подбородок, тараканьи усы, прямой нос... Кинт громко выдохнул, убрал пистолет, жестом успокоил почтовых клерков, которые словно из-за бруствера выглядывали в зал из своих окошек, мол стрельба отменяется, а толстяк даже ничего и не заметил, он мечтательно и старательно продолжал выводить буквы, при этом ужасно скрипел пером.

Как только Кинт вышел на улицу, высокий указал ему на открытую пассажирскую дверь фургона, потом пнул какой-то рычаг у порога и вниз вывалились три ступеньки.

– Да, действительно, Кинт Акан, собственной персоной, – закинув ногу на ногу и откинувшись на спинку удобного пассажирского скорее дивана, чем кресла, сидел Морес Таг.

– И вы, полковник, нисколько не изменились, – Кинт сел на такой же диванчик напротив.

Внутри был полумрак, пахло кожей и этим ужасно сладким ароматом любимого одеколona Мореса. Старые друзья пару минут друг друга молча разглядывали, словно пытаясь найти дефект, каверну, трещину в стене многолетних, не всегда гладких, но доверительных отношений. По глазам, они бы оба это поняли. Они решили бы, что им больше не о чем разговаривать, и тогда Кинт пошел бы дальше, искать развлечение на вечер, а фургон покатыл бы восвояси.

– Встреча у нас не сиюминутная, мне уже опостылело разъезжать в этом ящике, а в публичном месте не хотелось бы появляться, – наконец сказал Морес, – очень рад тому, что вы решили написать и как всегда, в своем амплуа – заинтриговали одной строчкой.

– И я рад видеть вас, Морес, а в том письме сначала было много слов, и оно не поместилось бы на одном листе, но прошла пара лет и осталась лишь строчка. Я снимаю неплохие апартаменты в доходном доме, а если попросить прислугу хозяйки, то нас даже ужином могут накормить.

– Это замечательно! Назовите механику адрес...

Глава пятая

Кинт распахнул окна в обеих комнатах, но задернул их плотными шторами.

– Проходите, господин полковник, в этой комнате есть камин, и она просторнее, – сказал Кинт Моресу, замершему в прихожей, и пару раз дернул шнур у двери.

– Да, побогаче того флигеля, – осматриваясь, Морес вошел, поставил у стены свой саквояж и небольшой чемоданчик.

В двери постучала девушка из прислуги, выслушала просьбу Кинта и, получив несколько монет, удалилась, заверив, что через полчаса подаст ужин.

– Да, апартаменты не дешевы, но нужно соответствовать образу...

– Образу кого? – Морес опустил в удобное плетеное кресло у камина.

– Да кого угодно, дьявол их разбери, представителя Северного горного треста, владельца табачных плантаций с юга, отставного пехотного полковника и еще с десятков типов аристократического сословья.

– Ты устроился актером в театральную труппу? – Морес встал, прошел к окну и, отодвинув штору, осмотрел площадь. – Хороший вид.

– Мне тоже нравится... нет, к сожалению, к театру я не имею отношения... помните, господин Морес, там, на северо-востоке, еще до войны, вы сказали, – Кинт тоже подошел к окну, – что давно преследуете одну могущественную группировку наемников, и что захваченные тогда в Конинге пленные это в первый раз за все время столкновения с ними.

– Конечно помню, – Морес продолжал смотреть в окно, – в первый и пока последний.

– Тогда у вас есть шанс, – Кинт хмыкнул, достал серебряный пенал и открыл крышку, – сигару?

– Вы снова меня заинтриговали, да, благодарю, – Морес взял сигару и вернулся в кресло.

– Тогда считайте, что я сдаюсь вам самостоятельно, добровольно и даже без боя, – Кинт выщелкнул в сторону кресла серебряный кест.

Морес ловко поймал монету с головой волка на аверсе, присмотрелся, замер и, подавившись дымом только что раскуренной сигары, зашелся кашлем.

– Что же вы, господин полковник, где же ваше стальное самообладание, – Кинт быстро подошел к столу, налил из графина стакан воды и отдал его Моресу, – выпейте...

Разговор затянулся до рассвета, часть его была даже зафиксирована на самописец, который Морес предусмотрительно прихватил с собой в маленьком чемоданчике. Кинт поведал Моресу свою историю, с того момента как покинул Северный Форт и до вчерашнего вечера. О том, как действительно был готов пустить себе пулю в висок, и сделал бы это, если бы не последние остатки воли и появившаяся возможность попасть к наемникам, узнать о них как можно больше и, в конце концов, покончить с теми, что уже много лет тенью, несущей смерть, преследуют Кинта. С теми, кто виновен в гибели близких людей. Было что рассказать и Море-

су...

– Григо очень переживает, что пропал и ты.

– Мне просто нечего ему говорить, даже не знаю, смогу ли смотреть ему в глаза, – Кинт вытащил из пепельницы окурок сигары и, раскурив его, добавил: – Я получал от него письма и телеграммы, но не читал их. Смысл читать, если не можешь ответить?

– Он сильно сдал, и он не винит тебя в пропаже Сэт, не будь таким упрямым эгоистом, навести его.

Кинт молча сопел, глядя в пол...

– Сарт тоже будет рад тебя видеть.

– Вот его точно не стоит втягивать в это дело, я хотел было навестить его, но передумал, потому что у Рузье и его верных псов длинные руки, и пока не покончим с этой стаей, и не сдерем с них шкуру, как на промысле в Конинге, я не хочу ни с кем встречаться. Вовсе не из эгоизма, полковник, я не хочу подвергать их опасности.

– Ну на счет Сарта – не тебе решать, – Морес снял пенсне и потер переносицу, – и где интересно ты хотел его навестить?

– Как где? У себя, то есть у него во флигеле.

– После твоего отъезда из Латинга он недолго оставался у господина Тьетэ. На твое место был нанят эм... – Морес взял со стола одну из своих толстых тетрадей, полистал, – а, Лью Демм, отставной пехотный капитан.

– А с Сартом что?

– Он успешно закончил курсы инспекторов, при академии в Актуре. Не без моих рекомендаций, впрочем, они ему и не нужны, их у него и так достаточно. Выше капитана ему не выслужиться, – Морес развел руками, – сам понимаешь, происхождение, но согласишься, это весьма неплохая карьера, учитывая, кем он был.

– Инспектор?

– Да, и уже год как служит у меня в ведомстве, смышленный парень, серьезный такой стал.

– Неожиданно.

– А ты что думал, удивлять можешь только ты? На самом деле Сарт будет отличным связным, когда все начнется и помощником тебе.

– Когда начинаем?

– Когда я скажу, нужно многое подготовить и подготовиться самим, я могу доверять очень малому числу людей, а тех, кому не доверяю, придется использовать втемную, но надо подготовиться, Кинт. Ты ждал, подожди еще немного.

– Что ж, подожду...

Со стороны улицы донесся звук подъехавшего к дому от площади моторного фургона. Морес подошел к окну.

– Вот и рассвет, мне надо возвращаться в Актур, за последнюю неделю у меня прибавилось забот.

– Я читал в газете.

– Да, преступника обезвредили, но остались те, кто его нанял.

– Кому выгодно смерть монарха?

– Наверное тем, кому выгодно текущее положение дел в терратосе, но это положение, поверь, не надолго. Империя возродится!

Морес сказал эту последнюю фразу с таким пафосом и торжеством в голосе, что Кинт не смог сдержать улыбки.

– Что?

– Господин, полковник, только не говорите, что вы теперь сами вляпались в то, от чего все время предупреждали меня?

– То есть? – Морес стал складывать в саквояж канцелярские принадлежности и свои тетради.

– Кинт, прошу тебя, не ввязывайся ни в какие группы заговорщиков и держись подальше от всяких бунтарей, – выдал Кинт практически голосом Мореса и с его интонациями.

Морес плюхнулся в кресло и в голос рассмеялся, через минуту успокоился, надел пенсне и, блеснув стекляшками, повернулся к Кинту.

– Разве плохо, когда терратос един?

– Наверное, хорошо, – пожал плечами Кинт и зевнул.

– Будем прощаться... Сарт найдет тебя.

– Буду ждать.

– Да, – Морес застыл, взяв в руки чемоданчик самописца и саквояж, – ты точно уверен, что там, в Шоуте, видел профессора Дакта?

– Уверен, более чем.

– Это многое объясняет... – в задумчивости пробубнил

Морес, потом сунул саквояж под мышку и протянул руку Кинту, — до встречи.

— Надеюсь, — Кинт ответил на рукопожатие.

Так и распрощались, незаметно перестав друг друга называть на «вы». Кинт дернул шнур у двери, затем прошел к окну, проводил взглядом моторный фургон, который, развернувшись на площади, покатил в сторону набережной, а от туда дорога вела к южному тракту. Город просыпался, стали проезжать пока еще немногочисленные повозки, где-то в стороне станции воздухоплавания протяжно загудело. Кинт отдернул штору и, облокотившись на широкий подоконник, посмотрел в сторону звука — неповоротливая пузатая машина транспортного дирижабля медленно снижалась к швартовочной башне. На синем, весеннем небе не было ни облачка и Кинт, прищурившись на солнце, стал следить за стаей диких голубей, что кружили над черепичными крышами старого города.

— Господин Кинт, — в дверь осторожно постучали.

— Да!

— Вызывали? — заспанная девчушка из прислуги доходного дома заглянула в дверь.

— Спасибо за ужин, — Кинт вышел в прихожую с подносом в руках.

— Рада служить, вы всегда щедры, господин Кинт, — девушка перехватила поднос, присела в поклоне и вышла за дверь.

– Господин Кинт, – сgrimасничал Кинт, закрыв дверь, и медленно пошел в комнату, что окнами в тихий дворик-колодец, – потерпеть еще немного... потерпеть...

Сутки без сна, утомительный ночной разговор, часть которого была обыкновенным допросом, Кинта стало морозить, он разделся, забрался под пуховое одеяло и как только закрыл глаза – уснул.

Кинт проспал весь выходной день, даже доносящийся с улицы шум не побеспокоил его. Однако вечером, когда солнце уже скатилось к горизонту на западе, со стороны ратуши донесся троекратный гулкий бой часов, и Кинт открыл глаза. Пришлось подниматься, засыпать на закат плохо, нужно поужинать и прогуляться по набережной, купить вечернюю газету и ознакомиться с новостями. Одевшись и натянув уже осточертевшие туфли, Кинт покинул апартаменты. Оказавшись на улице, он пару минут ожидал экипаж, наблюдая, как на противоположной стороне улицы, закрывая кондитерскую, ее хозяин таскает за уши мальчишку из прислуги, а тот придерживает рубаху, под которой наворованная сдоба.

– Куда изволит господин, отдыхать?

– Отвезите на набережную, – сказал Кинт, забираясь в двуосную повозку.

– Н-но! Пошла, – извозчик шлепнул вожжами лошаденку, и она, монотонно зацокала копытами по каменной мостовой.

А на набережной оказалось весьма многолюдно, впрочем,

вечер выходного дня, и это не удивительно. Отпустив экипаж, Кинт высмотрел среди нескольких заведений вдоль берега не самое вычурное, перехватил мальчишку – продавца газет и отправился ужинать. Заведение оказалось небольшой таверной, и публика здесь в основном из торгашей. Подавали несколько сортов пива, был большой выбор соленой рыбы, а из горячего Кинту предложили лишь яичницу с ветчиной. Кинт согласился, уже не хотелось искать что-то еще, да и место за столиком у большого окна оказалось удачным, с видом на набережную, Зиду и всевозможные лодки и чадающие катерки, снующие вверх и вниз по течению. Кивнув предложенному ужину и сразу же получив высокую кружку пива, Кинт сделал два больших глотка и развернул газету...

– Очень интересно, – вслух сказал он, увидев один из заголовков, который гласил: «Третья ассамблея кочевых племен терратоса Аканов».

Из статьи выяснилось, что оказывается, уже три года как, между парламентом, объединенными провинциями и кочевниками ведется диалог о примирении и о выделении племенам территорий, где они смогли бы вести оседлый образ жизни. Старейшины племен обещали искоренить пережитки прошлого в виде каннибализма и разбоя, а парламент на этой самой ассамблее определился с выбором земли. Был даже отпечаток карты и Кинт сразу узнал те места – территория предгорий от восточного берега и почти до самого Мьента с пометкой «Серые земли»... Это были как раз те места, по

которым прошел последний месяц экспедиции профессора Дакта, и где обнаружено месторождение белого сланца.

– Великолепное решение, – тихо, в задумчивости сказал Кинт, но был услышан подошедшим официантом.

– Что, простите? – поинтересовался тот, выставив перед Кинтом большое деревянное блюдо с ужином, а потом увидел заголовок статьи, – а я так не считаю, решение опрометчивое! Надо было загнать этих дикарей в горы!

– Это был сарказм.

Официант то ли не понял слова, то ли наоборот понял, что его мнением не интересуются и быстро удалился. Еще в статье говорилось и о непримиримых племенах, которые не желали вести оседлый образ жизни и вообще что-то менять. Так как газета была вечерняя, то кроме еще одной статьи о состоянии здоровья бывшего монарха, все остальные были развлекательного толка – целая полоса со стихами и фельетонами, полоса с объявлениями о всевозможных концертах и представлениях, и на последней полосе новости табачной, зерновой, хлопковой и угольной бирж.

Отложив газету, Кинт с аппетитом поужинал, заказал еще одну кружку пива и, уставившись через окно на освещенную газоразрядными фонарями набережную и гуляющих горожан, стал обдумывать планы на завтрашний день...

Актур. Лазарет «Святых предков»

Много, много в этот вечер в прогулочном парке лазарета с цветущими каштанами собралось народа. В основном это были представители торговых гильдий, военная, промышленная и научная аристократия, все ждали известий, все ждали решения... Наконец, к публике по ступеням от белоснежного каменного здания спустился главный инспектор жандармского управления, народ загомонил, стал стягиваться ближе...

– Господа, его высочество Пинье из рода Таргала Объединителя чувствует себя лучше, – вытянув голову и обращаясь к публике, громко прокричал главный инспектор, – но для полного выздоровления потребуется значительное время, однако, его высочество поручил своей супруге, госпоже Эстол, присутствовать на всех торжествах по случаю годовщины победы в Северной войне от имени монаршего семейства.

Публика одобрительно загудела, а из толпы кто-то выкрикнул:

– И она будет голосом монарха на парламентской комиссии?

– Терратос Аканов уже не имеет статуса монархии и вам об этом должно быть известно... – открыл было рот главный инспектор.

По толпе пошел гул, кто-то свистнул, откуда-то прилетела калоша, но в инспектора не попала...

– Нам парламент не указ, мы присягали в верности монар-

ху! – крикнул кто-то из военных...

– Видите, ваше высочество, люди устали жить без еди-ноначалия... – высокий, статный мужчина прикрыл окно и отошел вглубь комнаты, где стояла кровать, и на ней лежал его высочество Пинье, бывший монарх и наследник Таргала Объединителя.

– Как же мне быть, я ничего не в силах сделать и предпри-нять... – Пинье тяжело и с трудом вздохнул и отвернулся к стене.

– Ваше высочество, вы даже не представляете, сколько людей в терратосе ждут вашего возвращения!

– Зато я представляю, скольким выгодна моя смерть...
Скольких людей бьет в истерике от упоминания одного лишь имени моего деда!

– Не волнуйтесь, ваше Высочество...

– Простите, я немного не в себе и снова забыл ваше имя, – наследник с трудом сел в кровати.

– Сталье, ваше величество, пехотный генерал Сталье.

– А, вы тот самый Сталье, который участвовал в объеди-нении провинций во время северной войны?

– Тогда я был еще полковником, ваше величество, но мой род уже три века служит терратосу, да и не один я принимал решения.

– Понимаю, спасибо вам, генерал, за слова поддержки.

– Что ж, позвольте оставить вас, верные люди из тайной жандармерии будут у дверей, и как только позволит доктор

Горн, мы перевезем вас в тайное место.

– Передайте доктору Горну мою благодарность, – тяжело дыша, Пинье стянул с пальца массивный перстень и протянул его генералу, – он сотворил чудо.

– Хорошо, ваше величество, – генерал взял перстень, поклонился и вышел из комнаты в коридор, где сразу столкнулся с доктором Горном, молодым, но подающим огромные надежды в медицине мужчиной, – О, доктор Горн, можно вас?

– Да конечно... – ответил доктор, и улыбнулся сопровождающей его красивой женщине в форме пилота.

Генерал взял доктора под локоть и отвел в сторону.

– Простите, что отрываю вас от общения со столь прекрасной дамой...

– Это моя супруга, господин генерал.

– О, передайте ей, потом, мои комплименты, я впервые вижу столь изящного и прекрасного пилота. Вот это, – генерал вложил в руку Горна перстень, – его величество презентует вам в знак благодарности и своего расположения, вы сделали великое дело на благо терратоса...

– Я просто сделал свою работу.

– Вы великолепно сделали свою работу, доктор, – генерал коротко кивнул, развернулся и зашагал по коридору, за ним сразу устремились несколько офицеров чинами младше, что стояли в у окон и смотрели за происходящим на улице.

– Это генерал Салье? – женщина подошла к Горну.

– Да, моя милая.

– Он очень влиятельный человек в военных кругах... Так что, мы летим?

– Да, Маани, – Горн устало улыбнулся, – жди в экипаже, я сейчас спущусь и спасибо, что согласилась мне помочь.

Доктор быстрым шагом, на ходу снимая белый халат и колпак и аккуратно сворачивая их, дошел до своего кабинета в конце коридора, отомкнул дверь ключом и, пройдя внутрь, стал спешно собирать пузатый саквояж, бросая туда коробочки с порошками, микстурами и прочими лекарствами. Наконец собравшись, он достал из кармана бланк телеграммы, еще раз перечитал ее содержимое, покачал головой и вышел.

Маани уже развела пары силовой установки и ожидала супруга за рычагами управления моторным экипажем, который она предусмотрительно подогнала к черному входу лазарета.

– Ты готов, дорогой? – спросила она, когда Горн вышел из дверей.

– Да, милая, поехали... дети с няней? – доктор забрался в экипаж.

– Да, Мидьяр заверила, что два дня она выдержит.

– Да уж, – согласился Горн, надевая кожаный шлем, – и в кого Кинт такой непоседа? В тебя!

– Конечно, – Маани грустно улыбнулась и передвинула несколько рычагов, – а Зольда твоя дочь, тут не поспоришь, застенчивая тихоня.

Экипаж, обдав струей белого пара брусчатку узкой дорожки, покатыл к воротам кованой ограды лазарета.

С высоты полета скревера окрестности Шоута выглядели как лоскутное одеяло — поля с пшеницей, виноградники, табачные плантации и луга с пасущимися стадами. Разбросанные по равнине фермы, соединенные грунтовыми дорогами, которые, в свою очередь, петляя, подпрыгивая на мосточках через ручьи и речушки, примыкают к юго-восточному торговому тракту.

— Снижаемся! Приготовься... — Маани повернулась к мужу, перекрикивая шум винтов.

Доктор Горн кивнул и прижал к себе саквояж, летать он боялся.

Аристократический род Горнов — потомственные виноделы, вокруг усадьбы давно выросла богатая деревушка, где живут те, кто работает на виноградниках и винокурне. Эти места всегда миновали беды многочисленных войн, благодаря чему самая южная провинция терратоса богатела и процветала.

Через полчаса курьерский пятиместный скревер опустился на поляне в рощице рядом с большими фермерскими угодьями, точнее, это было фамильное поместье Горнов — красивый каменный особняк в три этажа, огромной площади сад и виноградники до самого побережья.

— Матушка! — с трудом выбравшись из тесной кабины,

крикнул доктор Горн встречающей его пожилой даме в окружении десятка прислуги.

– Как я рада тебя видеть, сынок!

Глава семейства Горнов важно восседал в конной двухосной повозке. Это был полный мужчина с суровым лицом, умным взглядом и совсем не аристократическими мозолистыми руками. Седые кудрявые волосы пышными бакенбардами спускались к аккуратно постриженным бороде и усам. Он не приветствовал брак единственного сына со столичной девицей, которая имеет сомнительный аристократический статус и носит штаны! Мало того, эти слухи про ее отца... Но сыну с ней хорошо, она родила двух прекрасных внуков – продолжателей рода Горнов, посему господин Горн-старший смирился, а Маани он просто терпел, чего не сказать о его супруге, мадам Горн полюбила Маани как дочь.

– Девочка моя, выбирайся поскорее из этой железяки! – мадам Горн уже обменялась объятиями с сыном и махала невестке.

– Здравствуйте, мама, – Маани легким и пружинистым шагом прошла по крылу и спрыгнула на зеленую траву.

– Жаль, очень жаль, что вы не привезли детей, – мадам Горн обняла и поцеловала Маани в щеку, – ну ничего, вот закончим с садом и обязательно сами к вам приедем.

– Кинту нужно готовиться к поступлению в кадетский корпус, а Зольда плохо переносит полеты.

– Бедный мальчик, – мадам Горн встала между сыном и

невесткой, взяла их под руки и повела к повозке, – ему всего девять.

– Ему уже девять, и с его характером... – открыл было рот доктор Горн.

– Он еще ребенок, а характер у него точно не Горнов, надутых индюков! – Мадам Горн подмигнула Маани, на что та звонко рассмеялась.

– Я все слышал! – погрозил супруге тростью Горн-старший, но при этом улыбаясь в усы, – забирайтесь, поехали, отдохнете с дороги, а на ужин нас ждет господин Дост.

– Так помощь нужна ему? – уточнил доктор помогая забраться в повозку Маани и матери.

– Нет, сынок, помощь нужна его супруге, – Горн-старший покрутил рукой у виска, – там совсем все плохо.

– Надо же! И давно господин Дост снова женился?

– Да я сам об этом недавно узнал, но выходит, что уже несколько лет... Миттэ! – Горн-старший окрикнул рослого мужчину в старом военном кителе и с кобурой на поясе, – возьмишь еще пару ребят и организуйте тут охрану.

– Слушаюсь, господин Горн! – рявкнул тот зычным голосом.

А Горн-старший уже не слышал, он хлестнул вожжами лошадей, и повозка покатила к особняку по укатанной дорожке вдоль кустов цветущего шиповника.

Глава шестая

Кинт приехал на ферму рано утром и встретился в воротах с выезжающим Оллэ.

– Доброе утро, господин Кинт! – Оллэ натянул поводья.

– Доброе, – Кинт кивнул и коснулся полей шляпы, – как у вас тут?

– Все спокойно, господин Кинт, – Гиро распахнул ворота шире и коротко поклонился, – разве что сегодня ночью собаки на соседней ферме разлаялись, ну Оллэ с Дирром обошли все кругом, вроде нормально все...

– Да, – подтвердил Оллэ, – повозка проезжала, возможно, на нее и лаяли.

– Ну, поезжай, открывай контору, не заставляй мадам Шагэ ждать.

Гиро проводил взглядом охранника, закрыл за ним ворота и принял от Кинта плетеную корзину, источающую аромат свежей выпечки.

– Наши-то молчуны, – Гиро кивнул, улыбаясь в сторону вышедшего на крыльцо дома Дирра, – сразу перестают такими быть, как только речь заходит об этой мадам Шагэ.

– Красивая женщина, но она им не по зубам, – Кинт тоже улыбнулся и соскочил на землю, махнув Дирру, – пойдем, поможешь. Гиро, а ты как соберешься готовить обед, то и на меня рассчитывай.

– Так есть, господин Кинт, – ответил он и, скрипнув протезом, пошел к домику прислуги.

Кинт и Дирр пришли в сарай, где хранился привезенный со станции груз. С помощью топора и кувалды они разобрали большие ящики.

– Ох! Я только в газете про такие читал, да один раз видел издали... – удивился Дирр, когда Кинт освободил от толстой парусиновой ткани одноколейник.

– Хорошая машина, помоги скатить...

Выбили деревянные подпорки и выкатили одноколейник во двор.

– Там три жестяных бочонка, два пустые, бери их и поезжай на механический двор господина Дова, купи горючего, держи, – Кинт бросил Дирру кошель.

– Прямо сейчас? – Дирр не сводил глаз с диковинной машины.

– Да, быстрее съездишь и привезешь, быстрее поедешь со мной на нем по одному важному делу...

– Господин Кинт, тогда я вашу лошадь возьму?

– Давай... и поживей, – одобрительно кивнул Кинт, – нам до обеда управиться бы.

Дирр, пыля по дороге, скрылся из виду, а Кинт еще раз обошел одноколейник, проверил, ничего ли не отвалилось и не повредилось в процессе перевозки и разгрузочных работ, но все было в идеальном состоянии. Что ж, можно завести и прогреть, но сначала проверить уровень масла... Кинт

Он прикатил оставшийся бочонок, кряхтя, залил из него горючее в горловину бака, затем с усилием вращал ручку, которая заводит пружину толчкового механизма — маховика с передачей силы вращения на основной вал двигателя, теперь рычаг спуска маховика... чихнув и выпустив вверх из двух труб черный дым, одноколейник завелся, утробно та-рахтя, звеня холодными деталями двигателя и невыносимо чадя. Кинт вернулся в сарай, достал из одного из разобранных ящиков чемодан и стал извлекать из него гардероб механика — высокие до колен сапоги на шнуровке, суконные штаны с кожаной вставкой в промежности вроде как у кавалеристов, короткий кожаный камзол без рукавов, перчатки до локтей, кожаный шлем и очки... Спустя десять минут Кинт облачился в одежды механика, а одноколейник уже ровно та-рахтел и даже не дымил. Сам одноколейник имел достаточно длинную раму, и кроме места для механика, было место для пассажира, а также над задним колесом, с сотней блестящих спиц, свисали два вместительных кофра, обтянутых толстой кожей, в которые Кинт стал складывать тряпичные свертки, перенося их из одного из ящиков в сарае. Этот груз был собран несколько месяцев назад, в Майнге, после переправлен на восточное побережье терратоса, а затем выехал в грузовом вагоне в Латинг от имени горного треста. Это было сделано личным оружейником Рузье и его правой рукой в области всего движущегося, стреляющего и прочего технического новшества. Два десятка великолепных многозарядных ка-

рабинов оружейного дома Ренэ, которые в армейские корпуса только начали поступать; два десятка жандармских пистолетов и да, в жандармерию они еще не также не поступили, так как парламент еще не оплатил заказ оружейному дому; в жестяных коробах в промасленной бумаге были упакованы тысячи патронов к карабинам и пистолетам, а также увесистые, чугунные цилиндры гранат. Это все, согласно плану Рузье, предстояло спрятать в окрестностях Латинга. Рузье вообще поставил на карту всё, и последние деньги ордена и отдал приказы на решительные действия по вербовке новых бойцов, хотя, Кинт уже давно начал подозревать, что Рузье не последняя фигура в ордене, есть кто-то выше, и он пока недосыгаем. Что ж Кинт, решил не отступать от плана, но внести в него свои коррективы...

Спустя полчаса появился Дирр, за ним за ворота фермы въехал грузовой фургон, из которого выскочили двое крепких парней, сгрузили на землю бочонки и так же быстро уехали.

– Возьми лопату и топор, – сказал Кинт Дирру и уточнил: – сколько взяли за бочонок?

– Пять золотых кестов.

– Терпимо, – ответил Кинт и уселся на одноколейник в ожидании Дирра.

– А вы умеете? – спросил Дирр, закрепляя лопату и топор на кофрах веревками.

– Не так лихо, как армейские вестовые, но доедем, не бой-

ся.

Через десять минут одноколейник уже несся по пригороду Латинга, пугая конные экипажи и прохожих, затем выехал на дорогу, ведущую к Сырой роще и разогнался еще быстрее. Дирр, обхватив Кинта за туловище руками, выглядывал из-за его плеча вперед и смотрел, как под колеса убегает грунтовка, мелькают деревья, и ловил ртом воздух. Даже моторные экипажи не могли сравниться по скорости с одноколейниками, на текущий момент истории прогресса в терратосе это самый быстроходный транспорт из колесных.

В Сырой роще Кинт сбавил скорость, проехал по просеке вдоль железнодорожного полотна и свернул на еле заметную тропу, ведущую к заболоченной поляне.

– Здесь, наверное, – Кинт перекрыл подачу горючего и заглушил двигатель.

– Вот это проехали! – Дирр слез с пассажирского места. – А что здесь?

– Послушай меня, Дирр, – начал Кинт прислушиваясь и осматриваясь, – все, что будет происходить в ближайшее время, будет выглядеть странно, но поверь, так нужно.

– Господин Кинт, вы мой наниматель, а у нас с Оллэ есть определенная репутация, спросите любого в Латинге, кто пользовался нашими услугами как наемников...

– Все не просто, Дирр, – Кинт извлек из кармана картонную карточку с гербом и тиснением, что вручил ему Морес во время ночной беседы и показал Дирру.

– Ого! Тайная жандармерия... хотя, я догадывался, что эта вот вся ваша деятельность очень далека от всякого горного дела.

– Что, слишком явно?

– Нет, просто... как бы вам сказать...

– Ну, – Кинт присел на поваленное дерево, снял перчатки, достал трубку и раскурил ее, – говори уже.

– Во-первых, мадам Шагэ... Оллэ молод, поражен ее красотой, но я встречал таких. Она вам будет улыбаться, кокетничать, а сама точно определит, в каком кармане у вас лежит кошелек, как быстро вы дотянетесь до кобуры, а высокий разрез платья вовсе не дань моде, а возможность беспрепятственно добраться до пистолета или ножа... или что у нее там, на бедре, а, господин Кинт?

– А ты поинтересуйся у нее, – Кинт рассмеялся, – самому, действительно, проверять не советую. Что еще?

– Еще я по просьбе мадам Шагэ переносил несколько папок из шкафа, одну уронил... а там... там газеты, обычные газеты.

– И что ты думаешь по этому поводу?

– Ничего, вы хорошо платите, мы с Оллэ хорошо выполняем то, что вы от нас требуете.

– Разумный подход... а если тебе предложат больше денег за то, чтобы мне вредить?

– Хм... я сначала перестану работать на вас, и вы об этом узнаете, а потом начну работать на того, кто больше платит.

– Что ж, это честно.

– Я же говорю, господин Кинт, у нас с Оллэ репутация.

– Не хочу тебя расстраивать, Дирр, но уйти сам ты не сможешь, кто бы тебе чего не обещал, до тех пор, пока я не отпущу.

– Если надо будет кого-то убивать, то вам придётся платить за это отдельно, – Дирр даже глазом не моргнул и продолжал рассматривать одноколейник, – научите меня на нем ездить?

– Радует, что я в тебе не ошибся, – Кинт постучал трубкой по наборному каблуку ботинка, вытряхивая пепел трубки, – давай готовить тайник, нам еще один надо успеть сделать до обеда... Вот тут, у корня этого дерева начинай копать, на глубину и ширину в локоть, и на длину кавалерийского карабина.

Когда яма необходимой глубины была отрыта, Кинт достал из кофра старый парусиновый плащ и бутыл с моторным маслом, из которой хорошенько этот плащ пропитал. Затем в этот плащ были завернуты три карабина, три пистолета и несколько сотен патронов, сверху пролито еще раз маслом.

– Все, засыпай, да так, чтобы не заметно, потом еще прошлогодней листвой присыплешь... дерево запомнил? – Спросил Кинт и бросил в яму увесистый кошель.

– Запомнил. Сделаю, самым бы потом найти.

– Запоминай хорошо, возможно, тебе и придется выкапы-

вать.

Немного откатали одноколейник, подмели ветками следы на поляне, а через полчаса уже были на берегу Зиды, в поросшей шиповником и камышом излучине.

– Здесь тоже будет тайник? – спросил Дирр и стал отвызывать лопату.

– Да...

Управились к тому времени, когда со стороны Латинга донесся полуденный бой часов на башне ратуши. Вернулись на ферму, где Кинт в компании Дирра и Гиро плотно пообедал наваристой похлебкой, после чего выехал с фермы в город верхом и поехал в контору.

– Добрый день, – Кинт вошел в контору и сразу налил себе воды из графина, стоящего на низком столике в углу у окна, – можно сказать, что лето началось, очень жарко...

– Здравствуйте, господин Кинт, – Шагэ лишь подняла взгляд от бумаг на столе и поправила очки.

– А где Оллэ?

– Я отпустила его пообедать, что может произойти за час? – Шагэ пожала плечиками.

Однако, будто она была услышана, в дверь вошли двое, Кинт так и стоял у окна со стаканом в руке.

– Уютно, – поскреб многодневную щетину один из гостей, осматриваясь.

Сутулый, но широкоплечий мужчина, нос сплюснен, от уха до подбородка, слева глубокий шрам, который не в си-

лах скрыть щетина. Второй был моложе, весь как пружина, взгляд бегающий, правой рукой постоянно проверяет нечто на поясе под потертым камзолом рыжей кожи.

– Ты тут одна управляешься? – спросил тот, что старше и подошел к столешнице конторки, за которой как за бруст-вером сидела Шагэ.

Молодой подошел к Кинту, очень близко подошел. Ростом он не вышел, и ему пришлось задрать голову, чтобы уставиться в глаза Кинту...

– А ты у нас кто?

Кинт промолчал, он не смотрел на молодого, а отвел взгляд в сторону Шагэ.

– Выйди-ка, – молодой потянул Кинта двумя пальцами за ворот пиджака.

– Как невежливо, – Кинт выплеснул остатки воды из стакана в лицо молодого и сразу же, мощным ударом снизу вверх пристроил кулак к его нижним ребрам слева.

Молодой охнув и корчась от дикой боли, повалился на пол. Шагэ не растерялась и два спаренных ствола маленького пистолета уже были напротив лба того что старше.

– Предлагаю начать сначала, – Кинт присел у молодого, вытащил из его кобуры револьвер, обыскал и нашел еще и неприличного размера тесак в ножнах за голенищем сапога, – какова цель вашего странного визита?

– Вы же не выстрелите, мадам? – с внезапно откуда-то взявшейся вежливостью спросил старший у Шагэ.

– Не хотелось бы, потом манжеты отстирывать от твоих тупых мозгов, но у пистолета очень легкий спуск, так что стой и отвечай на вопрос господина.

– С вами... с вами хотят поговорить, – по лбу старшего стекла капля пота и повисла на густой брови.

– С кем с нами? – уточнил Кинт, посматривая в окно и вытряхнув себе в ладонь патроны из камор револьвера.

– Ну... с хозяевами.

– Хозяева очень далеко, они на севере, в Мьенте, здесь лишь представительство, а мы наемные клерки.

– Хотят поговорить с тем, кто открывал эту контору.

– Кто? – Кинт вынул тесак из ножен и указал его клинком молодому на угол у двери, мол отползи туда, и молодой подчинился.

– Скажите, когда и где вам будет удобно, и с вами встретятся.

– Ну вот, с этого и надо было начинать и вообще, можно было ограничиться официальным письмом... Фу! Вы бы хоть помылись, тут после вас проветривать неделю... – Кинт подошел к старшему и обыскал его, но что удивительно, оружия при нем не оказалось, – я буду ужинать сегодня в семь, в ресторане напротив башни ратуши.

– Так что, мы пойдем? – продолжая пялиться в направленные уму в лоб стволы, спросил старший.

– Конечно, идите...

Молодой, держась за массивный подоконник и оконную

раму, поднялся на ноги и растерянно посмотрел на свой арсенал в руках Кинта.

– Идите, идите... – Кинт кивнул на дверь и двое весьма расторопно покинули помещение конторы.

Шагэ вздохнув, аккуратно сняла курок со взвода, откинула платье, демонстрируя стройные ноги и убрала пистолет в маленькую кобуру на внутренней стороне бедра.

– Ну вот и повеселились, – она улыбнулась.

– Да уж, – Кинт прошел в кладовку, бросил в ящик у стены трофеи и оттуда спросил: – случайно не знаешь, кто может меня приглашать на беседу?

– Скорее всего Идьяр Канн, секретарь городского совета.

– Очень интересно...

– Станный тип, слухи, что он заправляет несколькими бандами, ходят давно. Но он пользуется репутацией человека дела, за отдельную плату может быть посредником в переговорах с гильдиями. И вообще, думаешь, Латинг так стремительно развивается исключительно за счет налоговых податей? Здесь, кроме налогов есть, как бы это сказать... эм... добровольные пожертвования в казну совета города. Деньги действительно идут во благо Латинга...

– Но нищим из них не перепадает ни кеста?

– Что есть, то есть...

– А ты прекрасно осведомлена.

– Остались старые знакомства и связи, и не забывай, я работала экономкой у Вайса, а там все не просто.

– Что еще я должен знать?

– У Канна есть помощник, отставной полковник охранного корпуса, он откуда-то с запада приехал еще до войны, а когда началась война, и в Латинг стали возвращаться каторжане, то его многие узнали, полковнику пришлось бежать, но после войны он опять вернулся и сразу каким-то образом оказался рядом с Канном. Поговаривают, полковник и Канн зарабатывали работоторговлей, продавали северянам разбежавшихся каторжан, но это слухи, а вообще мерзкий он тип, этот полковник, и жестокий.

– Надо полагать, что эти двое в его подчинении...

– Скорее всего... может, на ужин тебе не стоит идти одному?

– Они же хотят только поговорить и скорее всего, предложить мне поучаствовать в развитии города Латинга, – Кинт улыбнулся и повернулся в сторону шума с улицы.

– А чем это так пахнет? – Оллэ задержался в дверях, брезгливо скривившись.

– Да, оставь дверь приоткрытой, у нас были посетители... Оллэ, в первый и последний раз ты оставил мадам Шагэ одну в конторе, понял?

– Так есть, господин Кинт. А что-то случилось?

– Ничего, но впредь, обед бери с собой с фермы, в кладовой старый очаг, приведи его в порядок.

– Слушаюсь, – Оллэ отступил, пропуская Кинта на выход.

– Вечером проводишь мадам Шагэ на почту, а потом до-

мой.

– Не стоит, господин Кинт... – на щеках Шагэ появился алый оттенок.

– Это не обсуждается! – ответил Кинт и подумал: – *«Ого, да она покраснела!»*

– Так есть! – с радостью ответил Оллэ.

Покинув контору, Кинт задержался у коновязи, достав кiset с табаком, потом внимательно осмотрелся, забрался в седло и пыхтя трубкой медленно поехал в сторону площади. С некоторыми соседями, то есть владельцами или служащими контор и представительств на этой улице Кинт уже стал здороваться, с ним приветливо здоровались в ответ. Доехав до ресторана, Кинт остановился и посмотрел на окно второго этажа в доме через площадь, соскочил на мостовую, вместе с медяком сунул в ладошку мальчишке у ресторана поводья и вошел внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.